

1

ЕВГЕНИЙ НЕТТ

ПСИ-ОН

ЕВГЕНИЙ НЕТТ  
**ПСИ-ОН. КНИГА I**

«Автор»

2024

## **Нетт Е.**

Пси-ОН. Книга I / Е. Нетт — «Автор», 2024

Я мечтал о том, чтобы во мне пробудились способности псиона, но не знал, какую цену за исполнение желания может спросить с человека злодейка-судьба. Вместо чудодейственного пробуждения я застыл во времени, много лет проведя наедине с собственными мыслями, созерцая только оскаленную морду твари из параллельного мира, труп друга и убегающих детишек, тоже решивших сунуться в район с объявленным жёлтым кодом опасности. Что мне дало это «заключение»? Я стал умнее. Переосмыслил всё, что только мог, и познал мир так, как не может никакой другой человек. И как вишенка на торте – стал псионом огромной силы...

© Нетт Е., 2024

© Автор, 2024

## Содержание

Глава 1. И время пошло вперёд.	6
Глава 2. Неограниченный(?) потенциал.	12
Глава 3. Невиданная щедрость.	18
Глава 4. Предложение. Снова.	24
Глава 5. Важное решение.	30
Глава 6. Факультет, потенциал и первый учитель(?).	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# **Евгений Нетт**

## **Пси-ОН. Книга I**

Начало двадцать первого века, территория альтернативной Российской Империи. В раздираемом политическими играми государстве всё чаще случаются пси-прорывы, из которых в нашу реальность проникают невиданные прежде хищные твари. Всё чаще об обычных людях отзываются как о существах второго сорта, а на вершину возносятся всё новые и новые псионы, могучие разумы которых стремительно двигают вперёд технологический прогресс.

И среди всего этого безобразия Артур Геслер, обычный студент, платит непомерную цену, едва не сходит с ума, но обретает столь желанные им способности...

## Глава 1. И время пошло вперёд.

Время... остановилось уже очень давно.

Птицы замерли в воздухе, деревья застыли недвижимыми колоссами, выроненный смартфон с набранным номером службы спасения повис в девяносто семи миллиметрах над землёй. А перед моим лицом, увязнув в ставшем невероятно густым воздухе, остановилась зубастая-клыкастая тварь, которая должна была уже в следующие секунды откусить мне, например, голову. Но вместо этого она «зависла» вместе со всем остальным миром.

Со ВСЕМ миром, включая и моё тело.

И в таком положении я провёл уже... много, очень много времени. Всё, что у меня было – это мои мысли, застывшая перед глазами и плывущая от захлестнувшего организм страха картинка, да тянущаяся в бесконечность какофония звуков, которую я ещё чёрт пойми когда смог разобрать на составляющие. Глупость? А что ещё оставалось делать, оставшись наедине с самим собой без банальной возможности даже всё это прекратить? Я ведь пытался сначала, проведя взаперти, по собственным ощущениям, год или два. Пытался заснуть, пытался... исчезнуть, предав собственные принципы. Вот только не вышло ничего, и я был вынужден продолжать искать развлечения другого плана. Какого?

Я думал.

Размышлял над своей не самой впечатляющей жизнью обычного человека, который мечтал пробудить пси, но не смог этого сделать. Со всех сторон рассматривал ошибки и успехи прошлого, сохранившиеся в памяти и в деталях восстановленные агонизирующим из-за отсутствия новой поступающей извне информации сознанием. Учился, всё так же восстанавливая в памяти прочитанное, осмысляя и дополняя его. И сожалел, осознав, чего я лишился, что мог бы сделать за прожитые двадцать лет и чего уже не сделаю никогда.

Пси-прорыв... Я ведь знал, что в этом конкретном районе сегодня объявили жёлтый код из-за резко возросшей концентрации пси, что в двух процентах случаев приводило к появлению тварей из параллельных реальностей. Но сделал что? Правильно, последовал за своим чудаковатым «товарищем», суть таким же неудачником, который сейчас валялся на периферии зрения в виде качественно выпотрошенного трупа. Он искренне верил в то, что близкий контакт с пси может пробудить в обычном человеке способности псиона, и потому старался проводить всё своё время в жёлтых зонах. А я, безвольный мудак, ему радостно потакал. Как же – единственный, что б его, друг!

Друг, из-за которого я оказался заперт в вечности. Реальной вечности, ведь за те десятилетия, если не века, что я провёл наедине с собой вокруг не изменилось ровным счётом ничего. И это при том, что я, кажется, стал намного быстрее думать, тем самым лишь растягивая свой «срок». Настоящая пытка, чудовищная, жуткая и...

*«Созерцай!»*

... бесконечная?

Тональность звука, который я слышал всё это время, немного изменилась. Когтистая лапа твари медленно, миллиметр за миллиметром пошла вперёд. Из динамика падающего коммуникатора раздался гудок.

А я, мечтавший о завершении своих мучений уже много лет, запаниковал.

Я не хотел провести в остановившемся мире вечность, предпочтя этому забвение. Но умереть, когда мир неожиданно и по совершенно неясной причине пришёл а движение? Нет уж! Я понимал, как можно избежать удара твари. Не сотню и даже не тысячу раз я представлял себе способы выжить в этой ситуации, мечтая об освобождении.

Оставалось только претворить один из всех этих планов в жизнь.

Тело слушалось неохотно, с как будто бы чудовищным откликом, напоминая этим персонажа видеоигры, которым управляют при помощи дешёвого китайского геймпада. Центр тяжести куда-то медленно уплывал, руки отказывались слушаться и пытались уйти в самостоятельное вращение, а глаза с каким-то затаённым фатализмом предпринимали попытки закрыться. Да, я определённо успел отвыкнуть от того, как управлять телом, и потому лишь спустя субъективную минуту и объективные две секунды понял, что моя тушка бесконтрольно падает на задницу. Правда, тварь напротив тоже оказалась не в лучших кондициях, и вместо того, чтобы ещё секунду назад распороть мне грудину, она грузно осела, вспарывая костяными отростками асфальт точно раскалённый нож – масло. Но если предположить, что в себя мы придём плюс-минус одновременно...

Промелькнула мысль о том, что прожить в одном мгновении сотни лет, стать многократно лучшей версией себя и в итоге умереть от когтей твари из параллельного мира, чуть ли не добровольно сунувшись к ней... очень иронично.

*«Разрушай!»*

А в следующее мгновение я почувствовал, как возвращается чувствительность к тому, чего у меня никогда не было. Нечто, пронизывающее весь мозг и тянущееся вовне мириадами тончайших нитей. Нечто с концентрацией столь плотной, что поначалу я подумал даже, будто в моей голове плещется океан, не меньше. Ощущение было странным, глубоким и необъятным, но ничего кроме удовлетворения оно не принесло. Удивление? Испуг? Я не удивлялся и не пугался. Зато думал, и у меня уже были догадки касательно того, чем именно это что-то является.

Пси – не энергия, но явление, подконтрольное крайне узкому кругу лиц. Эхо способности силами разума и воли воздействовать на реальность, подчиняя ту своим желаниям. Отражение чего-то большего, чего-то, человеку неподвластного.

Как этим управлять?

Хороший, прямо-таки охрененный и бьющий точно в цель вопрос.

В очень далёком прошлом я много читал про то, что ощущают псионы, использующие свои силы. Сначала пытался «оседлать волну», как сильнейшие из сильнейших, а потом и управлять искрой, как самая многочисленная, практически бессильная категория пси-одарённых. Но способностей у меня не было, и итогом всех тех попыток стало самое обыкновенное ничего. А сейчас, почувствовав в себе нечто новое, я решился на отчаянный шаг: ухватиться за чужие слова и попытаться воздействовать на окружающий мир. Да-да, пробовать буду по мемуарам и интервью гениев, которым больше было нечего делать. Выбора-то нет. Смогу – выживу и исправлю все ошибки прошлого. Провалюсь – умру так, как и подобает идиоту с комплексом неполноценности.

*«Иди!»*

Спокойно, хладнокровно и расчётливо я всё-таки умудрился облечь свою волю в пси, направить её и увидеть, как на покрытой фиолетовым хитином груди твари отпечатывается круг, от которого во все стороны расходятся трещины. Туша пытающегося подняться монстра вроде бы остановилась, но его лапы и челюсти начали движение в моём направлении.

Значит того, что уже сделано недостаточно.

Следующий шаг пришлось делать второпях, так как мир оживал и двигался всё быстрее. Уже и коммуникатор упал на асфальт, прогудев второй раз, и я успел приземлиться рядом, отбив себе пятую точку. Только и только тогда визуализированного образа, приправленного пониманием сути задействованных физических процессов хватило для того, чтобы воздух передо мной пришёл в движение и завращался, издав протяжный, не прерывающийся гул. Стали видны отдельные его завихрения, одно из которых вспорол асфальт рядом с моей ногой, а следом...

Такого грохота я не слышал никогда в жизни. И уж тем более не видел, что б смертельно опасная для людей тварь, вылезшая из параллельного мира, разлеталась брызгами и трухой, точно попавшая под камаз болонка. И словно этого было мало, мой «снаряд» полетел дальше, разметав облака в стороны и закончив свой полёт чёрти где.

– Перебор... – Пробормотал я, с непривычки глотая звуки и удивляясь собственному голосу. Жив! И я могу двигаться! Да и силы теперь...

Плавающий по окружению взгляд наткнулся на то, что осталось от Петьки, земля ему пухом, Таранова. Настроение резко упало вниз, а к горлу подкатил тяжёлый ком. Сознание словно пыталось избавиться от наваждения, вычлняя из кровавого месива отдельные органы, пересчитывая и мысленно сортируя их по степени полученных повреждений, но от этого становилось только хуже. И когда разум переключился на подсчёт расстояния до удирающей кучки детишек, решивших полазить по опасной территории и ставших свидетелями кровавой расправы, легче почему-то не стало.

Больших трудов мне стоило отвернуться, и ещё больших – дотянуться до коммуникатора почившего друга, чтобы ответить встревоженному голосу дежурного правоохранителя. Взрыв он услышал, что ли, или уже отследил звонок и определил, в зоне с каким кодом я нахожусь?

– Пересечение улиц Лассо и Тригиды, на нас... – Я прокашлялся. Горло саднило с непривычки. Но я говорил разборчиво, и это главное. – На моего друга напала пси-тварь. Его разорвали...

Дальше мне пришлось подниматься на ноги и, прихрамывая, двигаться прочь согласно инструкциям дежурного. Уже позже, спустя пять-шесть минут я понял, что телефон-то не мой, да и лишний раз привлекать к себе внимание пока не стоит. Сложно сказать, чего я теперь хотел добиться, но плыть по течению, даже если это течение поставит меня в один ряд с мировой элитой...

Нет, в этот раз я буду грести до тех самых пор, пока у меня будут руки. Не останется рук – продолжу работать ногами. Откажут ноги – буду ужом извиваться, но плыть туда, куда надо мне, а не туда, где меня с удовольствием увидели бы другие. Так что звонок был сброшен, а смартфон улетел в ближайшую подворотню, где я его оперативно расплавил. И на этот раз я приказывал миру аккуратно, опасаясь превратить кусок стекла, пластика, металла и кремния в миниатюрную бомбу. К счастью, обошлось: устройство всего лишь растеклось лужицей с самыми разными вкраплениями, а я ещё раз убедился в том, что псионов лучше не злить. Да и озаботиться методами защиты от чужого воздействия стоит: а ну как кому приспичит мне какую-нибудь штуку от сердца оторвать? Это будет даже проще, чем смартфон расплавить, ей-богу. С воспламенением хоть энергию и её воздействие на материю нужно контролировать, отлично представляя себе сам процесс.

А там раз-два – и человека уже не спасти.

Избавление от смартфона повлияло на меня в исключительно положительном ключе, и в дальнейший путь до съёмной студии я отправился, рассматривая всё вокруг и наслаждаясь поступающей по всем каналам сенсорной информацией. Аромат свежескошенной летней травы и вонь промчавшегося мимо мусоровоза одинаково приятно будоражили восприятие, а солнечные лучики, пляшущие на коже – это вообще оказался отвал башки! Даже странно, что «отмерший» мир не сложил меня прямо на месте с сенсорным шоком... Хотя здесь необычно и то, что мой мозг как-то поддерживал работу ускоряющегося сознания на протяжении пары веков, плюс-минус. Говорить, что думал я чем-то не материальным, а очень даже эфемерным было бы излишне самоуверенно, но какая-то собака здесь точно зарыта.

Или не собака, а полновесный динозавр, тут уж как посмотреть...

Искусно лавируя меж машин я без каких-либо проблем перебежал через дорогу, и едва ли не сунул голову в приоткрытое окошко ларька с шаурмой. Местный мастер ножа и лаваша не обрадовался такому развитию событий, но лишь до тех пор, пока я не заказал всего и побольше-

поразнообразнее, оставив тому единственную наличную купюру номиналом в пять полновесных рублей. Ну и отказавшись ото сдачи, что значительно ускорило работу кулинара высшего класса, у которого, казалось, отросла ещё одна пара рук в довесок к прорезавшемуся третьему глазу.

Три минуты я ждал, созерцая пролетающие мимо бронированные грузовички с символикой службы поддержания национальной безопасности, держащие курс на район, из которого я стремительно свинтил. Надеюсь, меня не опознают по голосу и записям с камер, а то будет крайне неприятно отмазываться от того, что я сбежал с места смерти товарища только для того, чтобы обожраться шаурмой трёх видов. Со стороны оно так и будет, а рассказывать кому-то о своём «сне»...

А оно мне надо? Это лишние вопросы, если не направление на ПМЖ в комнату с мягкими стенами. И пользы никакой, ведь что мне могут дать врачи и учёные? Фактически я прожил намного дольше любого из них, и познал частичку мира так, как не может никто больше. А где часть, там и целое.

Те же новоприобретённые способности без этого понимания были ничем: сколько ни посылай свои желания в окружающую вселенную, а без конкретного, разжёванного для пси приказа даже целлофановый пакетик не зашуршит. А я могу как минимум запускать протуберанцы, размельчающие хитин и плоть до состояния мелкодисперсной взвеси, плавить и поджигать, да улавливать отголоски чужих эмоций и даже мыслей. Последнее немного раздражало, так как выглядел я сейчас так себе и вызывал соответствующий отклик у случайных прохожих, но я ведь не собирался ходить в таком виде до конца своих дней. Помоюсь, сменю одежду – и будет куда лучше. Внешностью-то я не то, чтобы очень страшный. Запущенный и неспортивный дрыщ, но то проблемы старого меня. Новый не будет тратить время впустую, и наверстаёт упущенное!

Тем не менее, мне всё ещё надо поразмыслить да прикинуть, что к чему и какой курс выбрать в дальнейшем.

Я много думал о месте человека в жизни, и пришёл к одному довольно простому, не требующему многих лет на размышления выводу: никакого места у человека не было, нет и не будет. Мы не рождаемся для чего-то конкретного, и даже ограничений, помимо чисто физических, перед нами не ставят. Делай что угодно, пока это «что угодно» устраивает других таких же, как ты. Или пока эти другие ничего не могут тебе сделать, что тоже вполне себе вариант.

Собственно, из этого следует, что цель мы выбираем сами.

Но нужна ли эта цель? Почему бы просто не наслаждаться жизнью и познанием мира, раз уж мне выпал, без преувеличений, второй шанс, а все «детские болезни» сознания я успешно пересидел. Ну, как успешно: с десятков раз сошёл с ума, разговаривал сам с собой и всячески извращался, лишь ухудшая своё положение через ускорение работы разума. Так сказать, растягивал субъективное восприятие как только мог в отчаянных попытках побороть своего злейшего врага: скуку...

*«Познавай!»*

Но сейчас я ни о чём не жалел. Боль, страх и ужас остались в прошлом, в то время как в настоящем родился новый Артур, не чета прежнему!

Получив первую, пахнущую точно колдовской дурман шаурму я вгрызся в неё с жадностью ничего не евшего полтора года монаха. Только не ел я куда дольше, монашьей подготовки не имел и добровольно от мирских благ не отказывался, но кого это волнует? Мясо на языке распалось на отдельные волокна, овощи брызгали соком, а пропитывающий внутренние слои лаваша соус прекрасно всё это дополнял, раз за разом вводя меня в сенсорно-кулинарный экстаз. Мне в буквальном смысле пришлось брать себя в руки и сдерживаться, чтобы случайно не сожрать ещё и салфетку, в которой вся эта прелесть подавалась. А уж когда мне выдали ещё

две штуки, «за счёт заведения» приправив всё невероятным количеством соуса на вершину каждого рулона богов...

Короче говоря, для того, чтобы совладать с собой мне пришлось целенаправленно чем-то себя занимать. В частности, я решил аккуратно проверить, могу ли я форсировать скорость работы сознания до того уровня, на котором я, если верить ощущениям, «функционировал» в последние года или десятилетия «заморозки».

Секунда на то, чтобы сосредоточиться, ещё половина субъективной секунды на осознание того, что мир вокруг начал замедляться – и я от греха повернул назад, испугавшись перспективы «заморозиться» к чёртовой матери. Что, если это моё уникальное свойство, и я могу снова ускориться до уровня, на котором мир замрёт навечно? Звучит, конечно, нереально, да и я как только ни пытался выбраться из ловушки, а получилось по итогу... безо всяких триггеров, вроде. Просто раз – и вот уже всё вокруг начало ускоряться. Я тогда буквально ничего не делал, лишь повторял то, что помнил и что надумал из опасений всё забыть.

Чудо, не иначе.

Поблагодарив шаурмена, отбивающегося от подозрительно большой очереди покупателей, я продолжил свой путь до дома. Немного омрачил дорогу тот факт, что третью шаурму мне пришлось в себя запихивать силком, но тут ничего поделать было нельзя: может, разумом я и прокачался, но физически резиновым не стал. Но помешало ли мне это прикупить полулитровый стакан ядрёного кваса в избушке с бочкой-разливайкой? Ага, как же. Меня бы даже объявление жёлтого кода по району сейчас не остановило бы, ибо больше всего я соскучился по таким вот рутинным, ничем не примечательным вещам. Вкусная еда, леденящее горло питьё, солнечные лучи на коже, ветер, от которого дрожит футболка, красивые девушки и непередаваемое, абсолютное, всепоглощающее чувство свободы. Скажете, для счастья этого слишком мало? А вы эксперимента ради проведите в крошечной комнатухе два на два метра хотя бы месяц. Ладно уж – ешьте что-нибудь вроде каши на воде, запивая водицей. И что б никакой информации извне!

Отказываетесь? То-то и оно!

Морозящая руку прямо сквозь пластиковый стаканчик, кисловатая и пузырящаяся жидкость будто бы обжигала своим холодом горло, вдыхая в меня жизнь не хуже уже употреблённой шаурмы. Но даже так я заметил, как по дороге мимо промчался автомобиль, внутри которого я почти инстинктивно ощутил могучий, по-особенному ощущающийся разум... и понял, что это, скорее всего – другой псион.

И если я «вижу» его столь ярко, то и меня он может заметить аналогичным образом.

Вместе с опустевшим стаканчиком в урну полетели и мои планы жить, не раскрываясь перед правительством и другими участниками культа поп-звёзд имени псионов. Это в корне меняло все мои планы. В КОРНЕ! Ведь теперь я не смогу тихо и спокойно совершенствоваться, познавая свои способности и просто наслаждаясь жизнью. Впрочем, стоило ли на это изначально надеяться?..

Я тихо захихикал. Моя страстно любимая свобода песком просыпалась меж пальцев, поставив меня в очень неудобное положение. Кто я сейчас? Простой студент, у которого пробудились пси-способности. Весьма солидные, если сравнивать с основной массой низкопробных одарённых, которые были, например, сами себе зажигалкой, или могли зарядить от себя смартфон. Ограниченные не только в масштабах, но и в способах воздействия, они, тем не менее, обладали феноменальной мощью разумами, затмевая величайших гениев прошлого до пришествия пси. Всего пятьдесят лет прошло, а человечество не шагнуло – прыгнуло вперёд. Правда, в основном в вопросах войны, но и то хлеб.

Но возвращаясь к нашим баранам: интеллектом я, смею надеяться, другим псионам не уступал, и при этом обладал довольно приличными способностями, рамки и границы которых ещё только предстояло прощупать. И делать это на улице или в квартире, мягко говоря, опасно.

А прибавить сюда тот факт, что меня может вычислить любой, предположим, сильный псион – и на прежних планах можно ставить крест. По-хорошему мне бы прямо сейчас идти ломиться в ближайшую академию, где более-менее способных псионов обучают и выковывают из них что-то, могущее принести пользу...

Вот только я чертовски сильно хотел почувствовать себя человеком. Вернуться домой, помыться, сменить одежду, отоспаться, чёрт подери! Я сознанием не спал лет так двести, и хоть физически не устал ни на йоту, а сна не было ни в одном глазу, но вот психологически... Так можно реально слететь с нарезки. Или слететь ещё сильнее, ведь неспроста говорят, что сумасшедший своего сумасшествия не замечает. А человека, просидевшего двести лет наедине со своими мыслями, я бы точно не назвал иначе как психом.

Тяжко вздохнув, я напоследок мазнул взглядом по избушке с квасом – и двинулся домой, благо, идти тут оставалось всего ничего. Ну и продолжил наслаждаться видами, конечно же, ведь я до сих пор не утолил свой сенсорный голод, и вряд ли когда-нибудь вообще смогу это сделать.

Вы и представить себе не сможете, что это такое – остановившееся мгновение...

Вот только от размышлений об утерённом и приобретённом меня отвлёк нагло закатившийся прямо на тротуар немецкий автомобиль, плавно и очень медленно со мной поравнявшийся. Мне не нужно было озираться, чтобы сказать, что поблизости никого кроме меня нет и не было, а взгляд поглядывающей из-за стекла девушки прикован к моему лицу. Узнала? Маловероятно: очно я с ней знаком не был. Забыл? На такой вариант есть все шансы, ведь точно сказать, что из моей головы ничего не выветрилось я не мог. Впрочем, гадать тоже смысла не имело, так как секундой позже окно водительской двери опустилось, и высунувшаяся оттуда аловолосая, – что за мода-то? – миловидная девица, окинув меня взглядом с головы до ног, с нотками лёгкого беспокойства бросила:

– Парень, случилось чего? – Я вскинул бровь. – Фонишь так, что аж внимание наблюдателей привлёк. Хорошо, что я тебя первой нашла... А ну-ка, ты из какой академии вообще?

А из документов у меня при себе только лапы и хвост. И, что естественно, никаких удостоверений всяких там академий.

Так Артур Геслер, несостоявшийся разведчик, и погорел...

## Глава 2. Неограниченный(?) потенциал.

– Как бы тебе сказать, красавица... – Я отчаянно и непонятно зачем тянул время, прекрасно понимая, что отбрезаться мне ну совсем не светит. Оставалось только с достоинством принять свою судьбу, и пойти, куда бы меня эта непростая юная мисс не отправила. Почему непростая? А тут всё просто. Она – местная знаменитость из рода аристократов, младшая дочь то ли графа, то ли маркиза. Способная, имеющая невероятные способности в пирокинетике. Имя... Хельга, кажется, но это неточно. – Я только сегодня пробудился, и сейчас очень хочу посидеть дома и как следует всё обдумать. И нет, сбегать я не собираюсь. Всё равно меня может почувствовать любой достаточно сильный псион...

– Тебя – вообще любой псион, парень. Ты своими эмоциями уже весь район затопил, обеспечив каждому магазину и киоску с чем-то съедобным тройную суточную выручку за один только последний час. – Девушка ткнула что-то на панели своего авто, и передняя пассажирская дверь приглашающе распахнулась. – Залезай, подкину тебя до академии. Подумать у тебя ещё время будет, а зарегистрироваться надо сразу. Иначе чуть что – и всё, пиши-пропало.

– А чем грозит «уклонение»?

– Проблемами. Но в твоём случае сложно сказать, кто кому будет грозить. – Девушка хихикнула, смахнув с лица выпавшую длинную прядку вьющихся волос, а я засмотрелся на её тонкую шейку с белоснежной, чуть ли не мертвенно-бледной кожей. – Ты же ментал, правильно? И совсем недавно, плотно отобедав, сподвиг сотни и тысячи людей страстно возжелать... что ты там ел?

– Шаурму. – Буркнул я, постепенно осознавая масштаб проблемы и появившиеся у меня варианты. Выдать себя за псиона-ментала? Но тогда о какой-то практике других направлений можно будет забыть, а незаметно этим не займёшься. Захочу я, скажем, ионизировать газ и создать плазму где-нибудь за городом или, если совсем уж отупеть, в квартире. К чему это приведёт? Может статься, я и сам убьюсь, и что-нибудь взорву, не понимая границ своих возможностей. А в академиях, смею надеяться, чему-то реально учат, контролируют и следят за безопасностью. Полигоны там, дежурные группы медиков и всё то, чего у меня-самостоятельного нет и в ближайшее время не будет.

– Шаурму? Забавно, конечно... – Я отчётливо уловил нотки презрения, направленного, впрочем, не на меня, а на озвученное блюдо. Отношение к «еде племса» у неё, конечно, так себе, но очень даже в рамках ожидаемого: аристократка, как-никак. Уже одно только то, что она нормально со мной разговаривает уже достижение. Или в её глазах я достаточно перспективный псион, чтобы со мной имело смысл устанавливать хорошие отношения? Жаль, что мысли девушки больше «поймать» не получалось. Зря я тогда спалился, предвосхитив её вопрос про побег. – Если брать саму ситуацию, то ты неосознанно навязал свой аппетит всем вокруг, и люди толпами ломанулись скупать всё, до чего могли дотянуться. А представь, что было бы, испугайся ты или вообще начни гневаться?

– Это так работает? – Я вскинул бровь. Ладно аппетит – ему ещё можно поддаться, не заметив внушения или не став ему сопротивляться. Но страх и агрессия? И что же, я, наслаждаясь видами, улучшил настроение всем, кто только со мной пересёкся?

Да я прямо-таки генератор позитива!

– Именно. По этой причине такие псионы весьма ценятся государством. Не так, как серьёзные боевики, но тоже вполне неплохо. – Тем временем Хельга уже вырулила на дорогу, взяв курс на, подозреваю, ту академию, в которой она числилась. Мне память в отношении более подробных данных об известном аловолосом пирокинетике показала считай что фигу, но я не обижался: в заточении мною вспоминалось не всё. Я даже лица погибших в детстве родителей забыл напрочь. Обидно и неприятно, но что я могу поделаться со свершившимся фак-

том? Слишком поздно спохватился, начав вспоминать всё, что ещё помнил, да и приоритеты у меня были другие. Не сойти с ума окончательно, например. – К слову о государстве. Мне надо позвонить, отчитаться о том, что я тебя подобрала.

– Тебя часто отправляют за такими, как я? – Я задал вопрос до того, как девушка даже нашла в смартфоне нужный контакт, так что и ответ тоже получил.

– За аномалиями, скорее. Вместо тебя здесь вполне мог обнаружиться ещё один пси-прорыв, странно воздействующий на наш мир... Эм, это не вам, Виктор Васильевич. Я нашла источник воздействия. Только сегодня пробудившийся псион из простолюдинов, навскидку – высокий потенциал в ментале. Мысли тоже улавливает неплохо, угу. Как тебя зовут?

Вопрос предназначался задумавшемуся и легонько пнутому мне.

– Артур. Артур Геслер.

– Артур Геслер. Да, я вас поняла. Обязательно!

Отчётливо слышимый, в отличии от слов собеседника Хельги, гудок известил нас об окончании разговора, и девушка вновь скосила на меня взгляд.

– Я – Хельга Белёвская, пирокинет на обучении и службе Великой Московской Академии. – Название учебного заведения было произнесено таким тоном, что сомневаться в величии оно не приходилось даже скептически настроенному мне. – Как ты смотришь на то, чтобы принять покровительство моего рода? В обмен на верность ты получишь очень и очень многое...

Хельга начала красиво расписывать мои перспективы на службе у рода Белёвских, а я внимал и всё чётче понимал, что сама концепция служения кому-то, имеющему за собой лишь звучное имя и несметные богатства мне претит. Приятно, конечно, вот так и сходу получать такие предложения, но надо ли оно мне? Неужто государство, у которого я что так, что так буду «в долгу» и «на службе», оставит меня ни с чем? Уж комнату-то с едой мне поначалу обеспечат, а там я и сам продемонстрирую свои возможности и стану, например, те же прорывы закрывать. Собственные поместья, слуги и прочие излишества меня интересовали слабо, а на остальное можно и заработать по мере надобности. Так что...

– Я искренне благодарен тебе за это предложение, Хельга, но я не планирую присягать кому-либо, кроме самого императора. – Досада? Определённо, именно ею девушка и пыхнула. И это при том, что она видит во мне всего лишь ментала. – Тем не менее, мы можем быть хорошими друзьями. Ты уже помогла мне, не позволив натворить делов по незнанию, так что я в каком-то смысле перед тобой в долгу.

– Скажешь тоже – помогла. – Девушка немного смутилась. Искренне, а не наигранно, насколько я мог судить, впитывая отголоски её эмоций. – Это мой долг как псиона третьего ранга квалификации.

И прихвастнула так походя тем, в чём лично я не разбираюсь ни на йоту. Какие ранги? Квалификации чего? Забавная она, конечно. Но почему, чёрт подери, я воспринимаю её как несмышлёного ребёнка?! Последствия «сна»? Или мне «мудрость прожитых веков» в темечко ударила, и я теперь немного того? Временное помешательство?

Надо будет присмотреться к другим людям и понять, массовое это явление или нет.

И если массовое... это будет очень-очень грустно.

– Хельга, позволишь вопрос?

– Задавай.

– Среди псионов много сильных универсалов? Ну, тех, которые хороши сразу в нескольких направлениях? – Я решил не идти на девушку в лобовую со своей правдой, и вместо этого начать издалека. Хоть так смягчу эффект, заодно расспросами дотянув до того момента, когда мы припаркуемся у академии. Скажете, я переоцениваю крутость своей многофункциональности? Могло бы быть и так, да только об универсальных псионах я в прошлом даже не слышал.

Да и вообще, скромность – это черта, мне не присущая.

– Настоящих универсалов не существует, Артур. Каждый псион обладает пониманием только в одной из существующих «областей» вроде пиро-, крио-, теле-, магнито-, биокинеза. Крайне редко появляются так называемые психокинеты, обладающие способностями в двух, в исключительных случаях – в трёх направлениях. С годами можно натренировать в себе способности к новому направлению, но это долго, тяжело и не слишком-то эффективно. Врождённые способности всё равно будуткратно лучше натренированных, так что «универсальность» в себе пытаются развить единицы, а получается по итогу только у гениев. – А ей, оказывается, нравится рассказывать! Не удивлюсь, если в будущем она станет одним из преподавателей академии. – В любом случае, тебе с твоим потенциалом не стоит пытаться охватить многое. Телепатия – одно из самых сильных, опасных и сложных в контроле направлений, так что тебе предстоит хорошо потрудиться прежде чем ты даже просто перестанешь представлять опасность для общества.

– К слову, а сейчас-то я нормально, не фоню? – Если бы Хельга не сказала, я бы и не вспомнил о том, что мои эмоции представляют для окружающих нехилую такую опасность.

– Тогда я тебя заметила за километр. Сейчас, наверное, и с сотни метров не разгляжу. Сильно разволновался от пробуждения?

– Можно сказать и так. Проголодался очень. – Я не стал развивать тему, вместо этого устремив свой взгляд на комплекс, переплюнувший в плане масштабов и сложности любое строение из существовавших в до-псионную эпоху.

Великая Академия с этой точки зрения была действительно великой, ибо ничего подобного, насколько мне известно, не было больше нигде в мире. Первым в глаза бросался «купол» из голубого бронированного стекла, поддерживаемого угловатыми рёбрами из особых, открытых лишь с появлением псионов серо-чёрных сплавов. Высота этого, с позволения сказать, «сооружения» составляла в наивысшей точке четыре сотни метров, а площадь накрытых им территорий превышала восемь квадратных километров. Под него можно было два комплекса МИУ со всеми зданиями впихнуть, и сверху место под парк останется.

А ещё купол этот был окружён Москвой-рекой, углублённой, расширенной и на высшем уровне благоустроенной. Хамовная слобода, на месте которой теперь находилась академия, стала закрытой территорией, так что парки вынесли вовне, расположив их за рекой вокруг неё, тем самым создав прослойку между полным псионов участком и жилыми домами. А ещё со стороны всё это смотрелось очень красиво: такая махина в окружении деревьев! И хоть видел я это место не в первый и даже не в десятый раз, – фотографии и видео никто не отменял, да и лично я бывал неподалёку, – впечатления от созерцаемой картины образовались самые что ни на есть положительные. А учитывая тот факт, что меня почти гарантированно пригласят именно сюда...

– Ты же не впервые Москву видишь, правда? – Обеспокоенным голосом спросила Хельга, ткнув меня пальчиком в плечо. Я чуть вздрогнул, перевёл на неё взгляд и вздёрнул бровь. – Пробка. Людям почему-то сильно захотелось насладиться видами...

Последняя фраза была сказана таким тоном, что виновный, – я, тобишь, – почувствовал себя точно пойманный за руку школьник, укравший в магазине шоколадку. И это при том, что я-то ничего не делал, оно само! Но проблему нужно было решать, и решать оперативно. Я же теперь так буду на всё подряд реагировать, а это чревато.

– Считаешь, лучше было бы задуматься о том, как прекрасно было бы сейчас искупаться в такой манящей реке?

– Дурак! Попробуешь так сделать – будут проблемы! И вообще, возьми себя в руки, нам ехать-то оставалось пять минут! – Ну, пять – не пять, но мы действительно почти добрались. До моста полтора километра, а там уже и въезд на территорию академии. Даже с учётом начавшей рассасываться пробки это в худшем случае четверть часа.

Но щедро делиться с окружающими своими желаниями мне стало надоедать.

– Ты совершенно случайно не знаешь, как можно предотвратить это проецирование мыслей, желаний и эмоций?

– Нас учили просто закольцовывать сознание, ограничивая всю свою пси в границах головы. Но как это работает у кого-то, действительно способного в телепатии я не знаю.

– Попробую так, как ты описала. – Лучше делать хоть что-то, чем не делать ничего. Вот я и расслабился в кресле, обратив свой взор вовнутрь себя. Пси действительно свободно плескалась вокруг, растекаясь вовне, так что я начал плавно и целенаправленно его загонять «в себя». – Лучше?

– Ничуть.

– Категоричненько. – Я хмыкнул.

– Ты просто собрал в себе всю пси, да? – Киваю. – Прости, я изначально неправильно выразилась. Пси – это, знаешь ли, всего лишь эхо тех изменений, которые мы создаём силой своего разума. И собирать надо не эти волны и отголоски, а то, что является первопричиной... Сложно объяснить. И я не уверена, что делаю это правильно...

Вместо ответа начавшей сомневаться девушке я вновь сконцентрировался, но на этот раз уже не на самой пси, а на том, что было здесь кроме неё. Вспомнил ощущения от манипуляции энергией, позволившей мне разметать того монстра и расплавить смартфон, переложил это на иную плоскость воздействия... и едва не заскрипел зубами от боли, острейшим лезвием пронзившей мою голову. Разум физически сопротивлялся накладываемым ограничениям, и я вынужденно расширил границы ему дозволенного. Боль отступила, но небольшой дискомфорт на периферии остался.

Помогло ли это или нет я сказать пока не мог. Нужно было...

– Ты справился! Вот это и называется способностями к направлению телепатии!

– А-ага. – Я не сразу пришёл в себя, ибо попытка совсем уж пережать разум сказалась на мне не лучшим образом. Но самодеятельность на то и самодеятельность, что ошибки тут – в пределах нормы. И я бы даже на это не решился, если бы не отчётливое ощущение некоего предела. Это было чем-то вроде понимания того, что если махать руками у собственного лица – можно расквасить нос, а удар в пах принесёт невиданные доселе мучения. Что-то на уровне инстинктов, так сказать.

И не спрашивайте, откуда взялся этот инстинкт и в целом способность изменять реальность согласно своей воле. Всё равно не отвечу.

– Вот мы и добрались. У тебя паспорт с собой?

– Если бы. – Я развёл руками.

– Плохо, но решаемо. Посиди здесь, я сейчас. – Сказала Хельга – и покинула салон автомобиля, направившись к вышедшим из своей каморки охранникам. Ребята были серьёзные: в экипировке, при автоматах, в шлемах и выглядящих довольно технологично масках. Спасибо хоть не в броне, а то я бы точно решил, что привезли меня не в академию, а в тюрьму какую.

Процесс «решения» проблемы не занял и пары минут. Охранники переговорили с Хельгой, с кем-то связались – и вот уже перед нами распахиваются монструозных размеров и степени защищённости ворота. Такие наверняка даже танком не высадить. Но вот остановили бы такие моё первое в жизни «воздушное сверло», как я походя обозвал то нечто, разметавшее тварюшку из параллельного мира вместе с облаками?

И не проверишь же, хоть и любопытно.

– Так-так-так, как бы нам лучше всё сделать... – Девушка задумалась, придерживая руль одной рукой, а второй наматывая прядки волос на пальчик. Благо, движение здесь практически отсутствовало, а дороги напротив – были достаточно широки, три машины бок о бок могут ехать и особо о соседях не задумываться. Петляли местные тропки, правда, часто, но за парком вокруг ухаживали, так что видимости ничего не мешало.

А уж когда впереди показалось главное здание самого комплекса...

Признаться, перед этим колоссом Московский Императорский Университет выглядел таким младшим братом... во всех смыслах. Здание Великой Московской Академии было намного более старомодным, и в нём отсутствовали решения, свойственные архитектурной школе ныне погибшего коммунистического движения. Можно сказать, что тут строили дворец, но больше и без чрезмерных изысков. Были тут и сверкающие в лучах заходящего солнца купола, и стены со статуями и лепниной, и стёкла, выющиеся по громадам башен точно змеи, позволяющие рассмотреть их внутреннее убранство и, кое-где, винтовые лестницы. Но больше всего поражали, конечно же, колонны, поддерживающие своды множества переплетающихся меж собой балконов. Не знаю, как тут зимой обстоят дела с комфортом перемещений по этим «мостикам», но в разгар лета это выглядело недурно и вполне уместно.

– Ты меня вообще слушал?!

– Прости, задумался. – Честно ответил я, оторвав взгляд от этой красоты. Учиться, да и работать здесь наверняка одно удовольствие. Я всегда мечтал побывать «во дворце», а тут как бы не лучше... – Слишком впечатлился величием этого места. Не могла бы ты повторить?

Хельга вздохнула, а я уловил смесь эмоций, которую расшифровал как «с него/них нет смысла требовать/ждать». Видимо, во мне настолько ярко отпечтался образ простолюдина, что в мыслях девушки я от этого понятия оказался неотделим. Ну а прослушанная речь окончательно всё увязала в один пучок.

Неприятно, но не критично: мне с ней не детей крестить, а на учёбе и работе мы уж как-нибудь разберёмся.

– Нас встретит один из старших преподавателей с преподавателями-сопровождающими, после чего согласно регламента проводит на ближайший подходящий полигон. Там ты под запись продемонстрируешь... – Хельга хмыкнула. Ну и любит же она это дело... – ... свои способности, после чего пойдёшь оформляться в ректорат. Растекаться мыслью по полотнищу я второй раз с тобой не буду, так что как-то так.

– А по каким критериям выбирают полигон?

– С учётом приблизительного разрушительного потенциала псиона. В твоём случае подойдёт ближайший малый полигон...

– Не подойдёт. – Я покачал головой, поймав вопрошающий взгляд девушки. – Я так и не успел рассказать о том, что я могу работать не только с мыслями и эмоциями. Понимаешь, когда я пробудился, меня готовилась сожрать тварюка из другого мира, перед этим выпотрошившая моего друга... и я её слегка перемолол в пыль. И облака разогнал вместе с этим.

– Ты ещё и аэрокинет?!

Что ж, судя по эмоциональному отклику придерживаться правды оказалось решением как минимум не самым худшим.

– Потом я расплавил смартфон друга, с которого звонил в службу спасения, подумав, что уж лучше мне ни в чём не быть замешанным. Я же планировал отсидеться и понять, что я вообще могу и что дальше делать, прежде чем идти сдаваться какой-нибудь академии. Остальное я не пробовал, но подозреваю, что я в каком-то смысле универсал...

– Покажи! – Хельга вытащила из кармана курточки свой смартфон, сунув его прямо мне в руки. – Расплавь его!

– Серьёзно? – Я взвесил в руке устройство последней модели, по всей видимости ещё и лимитированное. После чего вернул его хозяйке... и щёлкнул пальцами, заставив небольшой камешек на гранитных плитах прыгнуть ко мне в руку. Мгновение на то, чтобы разогнать сознание и сконцентрироваться на пространстве вокруг себя и вокруг руки в частности, и вот уже я готов экспериментировать. Немного выжидаю, но Хельга меня не останавливает – лишь продолжает наблюдать, да нервно сжимает в руке свой смартфон, на дисплее которого высвечивается контакт того самого Виктора Васильевича, судя по фото – аккуратного, крепкого мужчины с бородкой и закрученными тонкими усами...

Открываю взгляд от смартфона и плотно обтянутой тканью груди девушки, и начинаю аккуратно действовать, попутно удивляясь той уверенности, что наполнила меня при одной лишь мысли о грядущих манипуляциях. Это было совсем не как в первый раз, ибо сейчас я почувствовал невероятное воодушевление пополам с неистовым желанием действовать. А уж после того, как я воздушным потоком подбросил и поймал, а после и заморозил камешек в своей ладони, всё тело охватило странное и приятное ощущение. Я словно обновился, стал настоящим собой...

Стал тем, кем и должен был быть.

Следом за криокинезом я поджёл камешек, расколол его надвое электрическим разрядом, растёр в порошок, управляя самой материей, а после заставил эти частички светиться. Немного подумав, я понял, что этим репертуаром пока и стоит ограничиться. Я прекрасно понимал устройство мира, но точно сказать, что попытка телепортировать вещество из точки в точку не вызовет детонацию непредсказуемой мощи не мог. Но чисто теоретически... Нет, к чёрту! Не хватало ещё убится, поверив в то, что мне ясны и понятны все существующие физические процессы. Я на словах-то ничерта не смогу объяснить, чего только что сделал, так как это понимание – не наука, а чистое знание, без формул и терминов.

Мысленно похвалив самого себя, я вернул сознанию стандартную скорость работы и обратил взгляд на Хельгу, предварительно позволив светящемуся песочку сыпаться на землю.

– Ну как?

– После этого ты обязан на мне жениться! – Глаза девушки опасно блеснули, а я поперхнулся, силясь разглядеть хоть в её глазах, хоть в эмоциях столь желанный сейчас отголосок шутки.

Но этого не было.

Совсем не было.

Млять?..

### Глава 3. Невиданная щедрость.

– Это, конечно, заманчивое предложение... – Я демонстративно окинул девушку взглядом, дабы ненароком не задеть её самолюбие. – ... но мы знакомы час-полтора от силы.

– Помолвка с последующей свадьбой дадут тебе невероятные для простолюдина привилегии! Положение, деньги, доступ к ресурсам моего рода, крепкий тыл...

Я поднял руки в останавливающем жесте.

– Я всё это понимаю, но такой вариант не примет моя мужская гордость. Если захочешь, вернёмся к этому разговору через несколько месяцев. А пока – хватит, хорошо? – Я ничего не мог поделать с тем, что нелепые попытки Хельги меня заинтересовать лишь укрепляли сложившийся в моих глазах образ одарённого могучей силой и невероятным разумом, но всё-таки ребёнка. Да и поступать так, как не хочется самому я более не собирался. Хватит, первые двадцать лет жизни таким образом уже измазал в дерьме. Дальше обойдёмся без этого, пусть даже придётся попетлять и, возможно, потянуть время. – Ты, кстати, дозвонилась...

Тихо чертыхнувшись, Хельга бросила на меня сердитый взгляд, прикусила губу и, приложив к уху смартфон, начала поспешно, постоянно сбиваясь объяснять, что я за зверь такой и чего она не сказала в прошлый раз. В какой-то момент по другую сторону провода даже воцарилась тишина, завершившаяся чередой громогласных, и, судя по тону, не терпящих неповиновения приказов.

– Приведу. Как можно быстрее. Да, транспорт найдём. Пятнадцать минут?.. – Последовал ряд уточнений, но конкретики я, опять же, не разобрал. – Сделаю, Виктор Васильевич! Артур!

– Двес... двадцать лет уже Артур. – Я деловито кивнул. – Что-то поменялось?

– Многое. Сейчас сюда подъедет автомобиль, и нас доставят на полигон «Альфа». Туда же прибудет и комиссия, так что нам лучше поторопиться и оказаться на месте вовремя. – Параллельно с этой небольшой речью Хельга, одной рукой перебирая волосы на макушке, второй активно взаимодействовала со смартфоном. Такси, что ли, заказывала?..

Шутки шутками, но менее чем через три минуты рядом с нами действительно остановился кабриолет, внешне напоминающий некоего франкенштейна, в основе которого оказался один из ретроавтомобилей ещё тех времён, когда до псионов оставалось где-то шестьдесят лет. Отсутствующая крыша, диванчики вместо нормальных кресел, руль-баранка, на которую водителю в столь же старомодном костюме приходилось налегать всеми силами... В какой-то момент я понял, что это даже на франкенштейна не тянет, так как сия повозка допотопных времён не взболтала нас только потому, что дороги на территории академии были даже какие хорошие. Но опыт передвижения на музейном экспонате оказался, конечно, крайне интересным. Ещё бы иметь возможность насладиться самой поездкой, а не раздумьями касательно предстоящей процедуры.

Да, я сознательно решил не скрывать основную массу своих возможностей. Первая причина – мне нужны были тренировки, организовать которые скрытно я, с учётом природы своих новообретённых сил, не смог бы. Вторая по порядку, а не по значимости причина – это статус или, что вернее, положение в обществе. Стать даже «просто» псионом-менталом очень почётно, но ничего сверхвыдающегося. Будут деньги и будет служба, но я то хотел иного! Познавать мир и наслаждаться жизнью по меньшей мере, а обеими этими вещами заниматься куда проще, если на тебя смотрят с уважением... или страхом. И не считайте меня злодеем! Я просто рассматриваю все варианты того, как можно наилучшим образом устроить свою жизнь.

Что до проблем, то будем честны: я так себе лицедей, а сокрытие сил – это лицедейство и есть. Смогу ли я проигнорировать угрозу кому-то из тех, кто по итогу станет мне другом? Не раскроюсь ли, когда сам окажусь в опасном, безвыходном без других направлений псионики положении? Не было ли там, где я уже спалил свои силы, каких-нибудь камер? И не на

месте своего «пробуждения» ли я посеял телефон, который, между прочим, на меня-настоящего оформлен?

Ответ на эти вопросы един: а чёрт его знает.

Таким незамысловатым образом мы с вами и пришли к необходимости полноценной легализации. А уж что из этого получится – покажет только время.

Выгружали нас на краю лесополосы и рядом с солидным каменным трёхметровым забором, единственным видимым проходом через который служили здоровенные кованые ворота. Рядом с последними уже были припаркованы такие же, как и наш, автомобили, неподалёку от которых стояли люди при полном параде. Девять человек, включая Виктора Васильевича, опознанного мною по той фотографии профиля в смартфоне Хельги. В жизни мужчина внушал ещё сильнее, ибо был он не ниже меня, но заметно крепче и шире в плечах. Добавьте к этому не в пример мужественно смотрящиеся тонкие завитые усы и аккуратную бородку на грани с густой щетиной – и получите цельный образ властного, волевого и уверенного в себе человека.

– Быстрее, чем я ожидал. – Виктор Васильевич при нашем приближении широко улыбнулся, протянув мне могучую руку. Я её тут же пожал, не забыв, впрочем, поприветствовать всех присутствующих.

– Здравствуйтесь, господа. Артур Геслер.

– Виктор Белосельский. Ответственный за работу со студентами, псион пятого ранга. – Дальше поочередно представились вообще все члены впопыхах собравшейся комиссии, имена которых я хоть и запомнил, но в памяти их образы отпечатались постольку-поскольку. – Хельга, то, о чём ты сообщила по телефону...

– Артур, продемонстрируй ещё раз, пожалуйста. – Попросила аловласка, в присутствии своего кумира и членов комиссии ставшая куда как более смирной. В основном в плане тона, ибо иного она себе и до того не то, чтобы позволяла. Если мыслей не считать, хех.

– По ощущениям я способен на много большее в плане масштабов. Так, на всякий случай говорю. – Хмыкнул я после аналогичной предыдущей демонстрации.

– Весьма, весьма... – Виктор Васильевич задумчиво покивал. – Что ж, раз со знакомством и удовлетворением первой волны любопытства самых недоверчивых покончено, предлагаю проследовать на сам полигон для проведения более объективных экспериментов.

За воротами засуетились мною прежде незамеченные охранники, всё так же снаряжённые по высшему разряду, и совсем скоро мы, оседлав автомобили, проехали на территорию очень уж просторного полигона, разбитого на несколько секций. И если поначалу я не понимал назначения странных «бассейнов без воды», стенки и дно которых были выполнены из армированного бетона, то чуть позже, когда эти самые «бассейны» пошли уже глубиной в полтора десятка метров, резко всё осознал. Действительно: где это видано, что б полигоном для людей, порой скрывающих в себе разрушительную мощь артбатареи, называли просто засыпанную песком площадку?

Вот только все эти ямки комиссии не приглянулись, и ехать пришлось до массивного строения, напомнившего мне вытянутый коллизей. Тут разве что стены были пониже, да материалы – покрепче. А в центре всего этого безобразия обнаружился очередной «бассейн», но уже глубиной в два десятка метров, с укрепленными неведомо какими сплавами стенами и, подозреваю, активными системами предотвращения всяких нехороших вещей.

– Гарнитура. – Мне вручили основательный такой наушник, который я, ничтоже сумняшеся, сразу натянул на голову. – Мы в любом случае будем тебя слышать, но так звук будет гораздо лучше. Лифтов нет, а лестницы находятся здесь, здесь, здесь...

Всего мне указали на шесть полноценных площадок для спуска и подъёма, а «бонусом» шли аварийные лестницы, разбросанные по всему периметру углублённой арены. Не могу сказать, что такое решение – верх безопасности для неопытного псиона, который себя там может

засыпать к чёртовой матери или вообще расплавить весь металл и заживо замуроваться в формате спёкшейся в угли курочки, но профессионалам виднее.

Надеюсь...

Уже оказавшись на дне этого котлована я понял, насколько это много: двадцать, чёрт подери, метров, плюс стены самого «колизея». Отсюда и видны-то были только овал голубого купола, да поблескивающие красными светодиодами камеры. Напрямую на меня смотреть выбрался только мужчина в чёрных очках и строгом классическом костюме, которого я ощущал своей «псионьей чуйкой», так что простым человеком он точно не был. Оно и логично: а ну как я отчебучу чего и с собой уважаемых членов общества заберу? А тут как бы и профессионал, – надеюсь, – который как минимум выживет сам, а как максимум сохранит меня в первоизданном виде.

– Итак, Артур... – Эхом разлетающийся по котловану голос Виктора Васильевича был спокоен и собран. При этом его слова дублировались в гарнитуре, что было не то, чтобы очень комфортно. – ... здесь и сейчас тебе нужно выполнить ряд задач настолько точно, насколько только возможно. Главное – не переборщи с силой воздействия. Если что, продемонстрировать удаль молодецкую можно всегда, а вот собраться обратно из горстки пепла или кучки фарша – уже нет. И Георгий может и не успеть тебя спасти. Помни об этом.

– Логично, Виктор Васильевич. С чего начнём? – Я окинул просторы «арены» взглядом, акцентировав внимание на расположенных практически рядом с моей позицией странного вида пирамидках. Явно металлические, они отличались размерами и оттенками, но располагались на одинаковом расстоянии друг от друга. Были тут и метровые экземпляры, был и пятиметровый великан. Совсем мелкой мелочи я не наблюдал: видимо, на этот полигон не выделяющихся силой псионов не водили. Или в моём случае вытащили именно такие снаряды?

Любопытно, но в целом – не важно.

– Начнём с телекинеза. Видишь пирамиды перед собой? Подними самую левую на высоту двух метров, после чего поворачивай её по часовой стрелке на протяжении десяти секунд. справишься – переходи к следующей. Каждая пирамида весит вдвое больше предыдущей, минимальный вес – одна тонна.

– Какая прелесть. – На мелочи тут размениваться было не принято, и я, собравшись, вытянул область контроля своего разума к первой пирамиде, под конец, на расстоянии десяти метров, ощутив какое-то странное напряжение. Но его пока отложим в сторону, меня тут пирамиды некрученные ждут, да и оценивают меня не за красивые глаза, а за дело.

Всесторонне восприняв эту не в пример здоровую гирию и убедившись в том, что к полу она не прикручена, инициирую воздействие по аналогии с мелкими камешками. Пирамида взлетает сначала на пять метров, но я быстро всё исправляю и фиксирую высоту на двух метрах плюс-минус. Напряжение... есть, но не самое значительное. Можно сказать, что жонглирование камешком размером в сантиметр было не менее напряжным, так как там требуются значительно более тонкие манипуляции. Но сразу пирамидку бросать я не стал, отвращая её, как и было сказано. Следом пошла вторая, за ней – третья, четвёртая, пятая, шестая...

Последний «грузик» массой в шестьдесят четыре тонны был мною так же без особых проблем прокручен, после чего я решил сымпровизировать, подхватив сразу все пирамиды. И уже здесь у меня чуть пупок не развязался: контролировать столько тяжёлых объектов разом оказалось задачей невразумительно тяжёлой даже для ускоренного сознания. О чём я тут же и сообщил, но лишь после того, как все пирамиды отвращали положенную им норму.

– Это должна была быть следующая проверка, но мы тебе её засчитаем и так. Как самочувствие? – Голос Виктора Васильевича меня малость отрезвил, так что я отлип от попыток дотянуться до чего-то, расположенного от меня дальше, чем на расстоянии в девять целых и шестьдесят семь сотых метра. И не получалось же!

– Отличное. Но есть нюанс. – Перебивать требованием поведать об этом нюансе меня никто не стал, так что я спокойно продолжил. Люблю цивилизованное общество взрослых людей! – Я не могу воздействовать на объекты, расположенные более, чем в девяти с половиной метрах.

– Совсем? – В голосе ответственного за студентов прозвучало нешуточное недоумение.

– Абсолютно. В пределах этих границ всё прекрасно, но дальше – как отрезает. – Мелькала мыслишка-то, что я чуть ли не Бог во плоти? Мелькала! Вот и обломилось всё, возможно, непреодолимым или с трудом преодолимым ограничением на дистанцию моих воздействий. Хотя бы составляющую, отвечающую за восприятие это ограничение обошло стороной – и то хлеб: оценивающих мои успехи людей я чувствовал прекрасно, а располагались они на расстоянии в восемьдесят метров плюс-минус.

– Продолжаем проверку. – Молчание длилось недолго, всего секунд так пятнадцать, так что я даже расслабиться не успел. – Следующий на очереди – пирокинез...

И я стал жечь, завершив этот этап проверки созданием сферы высокотемпературной плазмы, после применения которой «по назначению» мне пришлось поспешно переходить в раздел криокинеза, дабы заморозить расплавленную пирамидку и охладить воздух вокруг себя. Аэрокинез, магнитокинез в простейшем проявлении, – магниты и электрические разряды, – и гидрокинез позволили себя продемонстрировать с меньшими последствиями для полигона, но вот намучался я знатно. В конце второго круга, – а повторять я эти упражнения должен был до состояния, близкого к отказу, – у меня начала болеть голова, а в конце четвёртого я официально запросил пощады, ибо день на этой прекрасной ноте к концу ещё не подошёл. Да, наступил вечер, но из академии до дома мне ехать минимум полтора-два часа.

Если подытожить, то я был способен во всём, кроме биокинеза, который не давался мне от слова совсем. Ну и контролировать свои воздействия я мог только на расстоянии девяти с половиной метров от себя. Дальше эти самые воздействия переставали поддерживаться моим разумом, и существовали на том, что было уже в них заложено. Именно так я «потерял» первый шар плазмы, который на радостях проплавил в самой маленькой пирамидке солидную дыру. Своего рода шаровая молния, но, как оказалось, с большим, нежели обычно, разрушительным потенциалом. И все эти явления я понимал с тем лишь уточнением, что объяснить ничерта не мог. Сказывалось отсутствие полноценного образования, которое я надеялся всё-таки получить в академии. Ведь и учились, и служили «студенты» бессрочно, так что во времени я был ничуть не ограничен. Как и в возможностях, со своим-то разумом.

– Прекрасная работа, Артур. – Виктор Васильевич первым подошёл ко мне, крепко пожав руку. Остальные члены комиссии что-то увлечённо друг с другом обсуждали, размахивая планшетами и то и дело бросая на меня взволнованные взгляды. Очевидно, я их впечатлил. Но очень надеюсь на то, что не до уровня «а давайте закрём его в лаборатории на благо Российской Империи?!». – Вижу, что ты немного устал...

– Спасибо, Виктор Васильевич. А про усталость – это ещё мягко сказано. Денёк выдался... – Я криво усмехнулся. – ... очень насыщенным. А ведь мне ещё и домой добираться...

– Ни в коем случае! – Мужчина почти воскликнул, и при этом был донельзя серьёзным. – В ближайшее время, уж извини, тебе с территории академии выходить нельзя. Сейчас ты представляешь слишком большую угрозу для окружающих. Потому мы поселим тебя здесь, в «общежитии».

– А там я, хотите сказать, не буду никому угрожать? А как же другие студенты?.. – В моей памяти всплыло общежитие училища, в котором мне довелось скоротать часть юности. Здание высотой в двенадцать этажей с восемью десятками комнат на каждом, и чёрт знает сколько учеников, набившихся в этот муравейник. Если с необученным псионом что-то пойдёт не так, например, посреди ночи, то последствия могут не понравиться никому.

С другой стороны, вполне очевидно, что уж здесь-то, для элиты элит, условия предоставлены получше.

Но по прошествии двадцати минут, когда меня довели на том же «такси» до места, я признался самому себе, что ТАКОЕ нельзя было предположить даже в самых прекрасных снах. «Общежитие» представляло собой целый ученический посёлок, а «комнатами» здесь были коттеджи. Здоровенные и трёхэтажные, они, казалось, во всём пытались подражать «большому брату» – самой академии, представляющей из себя чуть менее роскошный и более функциональный дворец. Даже заинтересовавшие меня мостики здесь были, да и колонны...

Про то, что в одном таком домике можно было разместить десятка два человек без каких-либо неудобств я, пожалуй, говорить не буду. А вот о прислуге, суевающейся вокруг здания и, видимо, приводящей его в порядок, сказать точно надо.

– Хельга, а поскромнее жилья здесь нет?

Мне действительно не хотелось даже просто ночевать в такой громаде, не то, что жить.

– Все студенты живут в одинаковых условиях. Даже расселение проводится случайно, выбрать себе дом нельзя. Ну и соответственно все живут вперемешку. Я, например, через один ряд, к северу. – Сказала Хельга, махнув рукой в вычисленную ей сторону. Мне оставалось только понимающе покивать, так как ориентацию в «общежитии» я потерял где-то на третьем повороте среди абсолютно одинаковых коттеджей. – Думаю, с домом ты уж как-нибудь сам разберёшься? В крайнем случае попроси прислугу проводить тебя, куда будет надо. А мне нужно бежать!

– Как-нибудь разберусь. – Я заторможенно кивнул, параллельно предпринимая попытки объять коттедж восприятием. Живых людей там было семеро, из которых только трое суетились на первом этаже, двое – на втором, и двое на третьем. Их разумы выглядели так, словно одного псиона взяли и раскололи на множество частичек, а семь штук из тысячи раскидали по дому. Я бы, может, и не заметил бы их, если бы не слова Хельги о прислуге. – И спасибо за этот день.

– Говоришь так, будто это было свидание. – Девушка хихикнула. Безо всякого, впрочем, намёка на романтику. Обычная шутка.

– Ну, тут уж тебе решать. Себя в жёны предлагал не я...

– Ты бы предлагал себя в мужья... И вообще! – Я с искренним удовольствием запечатлел в памяти её делано-возмущённую мордашку. Не зря же старался? – Я говорила вполне серьёзно! Любовь приходит со временем, а новая кровь вводится в каждую фамилию!

Девушка резко развернулась и широкими шагами направилась к «такси», но своевременно ускорившееся сознание позволило мне увидеть начавший распространяться по её лицу румянец. Правильно говорят: чёрт их, этих девушек, поймёшь. Вроде и не ощущается она как девица из той категории, что «ведётся» на деньги или аналогичные блага, а впечатление при нашей первой встрече упорно клонится именно в этом направлении. Её, что очевидно, заинтересовали мои способности, и ради введения их в род она даже себя предложила. И то ли у Белёвских такой фетиш на усиление своей фамилии и введение в неё всех и вся с приличными перспективами, то ли я в силу незнания чего-то не понимаю.

– Не понять мне этих вещей, Хельга. Пока не понять. Доброй ночи!

В ответ девушка то ли махнула мне рукой, то ли потребовала от водителя дать газу, но исход оказался единственно возможным: она уехала, а я остался стоять на пороге своего временного-не временного обиталища. Второе вероятнее всего, ибо то, как меня встречали – это лучшее доказательство моей ценности для академии в частности и Российской Империи в целом.

Постояв так ещё несколько минут, я сполна насладился видами и направился ко входу в коттедж, жилая площадь которого превышала, наверное, три десятка моих студий. Одно только

меня смущало: ни одно государство в мире ни при каких условиях ничего не давало просто так...

## Глава 4. Предложение. Снова.

Утро началось с кофе, круассанов и парного молока. И я не шучу, ведь именно этот набор блюд доставили мне в спальню, – единственное помещение в доме, которое успели расконсервировать и подготовить, – после чего звоном колокольчика добились моего пробуждения. Саму служанку я успел заметить лишь краем глаза, ибо, по всей видимости, у них правилами было запрещено мозолить глаза студентам. И я бы с большим удовольствием повалился бы в постели ещё какое-то время, но приближающаяся к семёрке стрелка на настенных часах и побудка силами прислуги недвусмысленно намекали на то, что мне куда-то надо.

А вот сказать, куда именно мне почему-то забыли.

Не на уроки же, право слово?..

Свою одежду я обнаружил на специальном шкафчике «в ногах» кровати. Всё было постирано, высушено и выглажено до, есть такое мнение, состояния сверхновых вещей. Потому что та же футболка в магазинной упаковке и с картонной подложкой, если верить моей проверенной веками памяти, выглядела хуже.

Поверх вещей обнаружился небольшой кейс из матового металла, в котором находился чёрный медальон с золотой эмблемой академии и такого же тёмного оттенка цепочкой, и бляха для ремня, выполненная в аналогичном стиле. Самого ремня при этом не полагалось, что как бы намекало на неидеальность системы или, в моём случае, недостаток времени: персонал просто забыл, не успел или не подумал о том, что простые штаны «военного» кроя можно носить безо всяких ремней.

Сразу одеваться я не стал, так как заметил ещё кое-что: целый поднос с принадлежностями для проведения утренних процедур. Тут нашлось место мылу, шампуню, бритве, комплекту из трёх полотенец и бутылочке без надписей. Уже после, стоя в ванной комнате и избавляясь от лёгкой щетины, я определил в содержимом гель для бритья. Полотенца тоже приятно удивили, так как одно из них было действительно огромным и притом почти невесомым. На всё про всё, включая, конечно же, завтрак, у меня ушло двадцать минут, после чего я вышел из своих «покоев» посвежевшим и максимально довольным жизнью. Прислуги видно не было, но лишь до тех самых пор, пока я не переступил порок коттеджа. Там меня дождалась женщина лет тридцати в форме служанки, и вчерашнее «такси», водитель за рулём которого был собран, суров и молчалив.

– Господин Артур, нами было получено распоряжение на ваш счёт. – Я уверенно кивнул, хоть и не понял, почему нужно было говорить настолько странно. – Автомобиль доставит вас напрямик к главному крылу академии. Там вас должна встретить госпожа Хельга. Прошу.

... и она открыла мне дверь «такси», отчего рассерженно заскрежетало, казалось, всё моё мужское естество. Но с эмоциями я совладал, мысленно убеждая себя в том, что оно тут так принято, и сел в автомобиль, который споро повёз меня прямо туда, куда надо. Другие машины по дороге встречались крайне редко, а вот пешеходов было действительно много. Начиная с подростков и заканчивая взрослыми и состоявшимися людьми, у которых так или иначе, но болтался на виду аналогичный моему медальон. Правда, были тут в основном серебряные, золотые, бирюзовые и бледно-пурпурные, а вот чёрных я не заметил вообще. То ли моё «свидетельство статуса» временное, то ли уникальное. Но на последнее рассчитывать, учитывая неожиданность моего появления, было бы глупо. Значит это – временка, а медальоны по цвету отличаются, скажем, в соответствии с принадлежностью того или иного студента к конкретному факультету или направлению псионики. И я уверен, что все вариации медальонов не разглядел, ибо здесь было слишком много привлекающих внимание моментов. Начиная от самих студентов, и заканчивая устройством и архитектурой этого колоссального, необъятного ком-

плекса, напомнившего мне мир-в-себе. А купол, громадой нависающий над нами и закрывающий небо, это впечатление делал стократ сильнее.

Так или иначе, но «такси» доставило меня к тому же входу, откуда нас забрали для доставки прямиком на полигон «Альфа». Но на этот раз я получил возможность насладиться видами в тишине и спокойствии, всецело отдавшись созерцанию и восприятию окружающего мира. Запахи, щекочущий кожу ветерок, жар солнца, ощущение чистой ткани, прилегающей к коже, даже пощипывание в носу – всё это провоцировало сенсорный экстаз, стоило только немного сосредоточиться...

– Ого! Смотри-смотри!.. – Чьи-то крики покорёжили идеальную картину мира, и я открыл правый глаз, повернул голову и немедленно обнаружил источник аномального даже для этого центрального входа шума. И обнаружилась там группа подростков от четырнадцати до шестнадцати лет плюс-минус, окруживших смуглого ушастого парня, вращающего в руках сотканную из ярко-оранжевого пламени палку. Или боевой шест, если судить по движениям и тому, как красиво он своим «оружием» размахивал. Пирокинет, и притом весьма талантливый. Совсем не факт, что я смог бы так же, ибо, во-первых, не пробовал, а во-вторых моя физическая форма оставляла желать лучшего.

– А подпрыгнуть?!

И парень, выцепив взглядом из толпы предложившую сий шаг девчонку, подмигнул ей, в какой-то момент ткнул наверху посоха в землю, взлетев на три-четыре метра вверх. И это меня сильно заинтересовало, так как одно дело – «изобразить» посох, контролируя плазму своим разумом. И другое – от плазмы оттолкнуться. Теоретически возможно, но практически... сложновато. Мне тут же захотелось попробовать, но здравый смысл остановил восторженное было ощущение «правильности», взявшее начало в голове и начавшее растекаться по всему телу.

– Интересно наблюдать за тем, как они дурачатся? Между прочим, формально использование пси-сил вне специальных зон запрещено. – Знакомый голос заставил меня обернуться, а после и кивнуть с улыбкой на лице.

– Доброе утро, Хельга. Извини за то, что тебе и дальше приходится со мной возиться...

– Не беспокойся об этом, Артур. Это моя работа, да и задача не такая уж непосильная. – Хельга небрежно, но изящно качнула головой, отчего отдельные прядки её волос рассыпались по плечам inferнальным песком. – Будешь досматривать «представление», или сразу займёмся делами?

В этой ситуации меня заинтересовала не столько показная небрежность и нотки лёгкого опасения, следующие за словами девушки, сколько неожиданно приковавшееся к ней же внимание детишек. Которые, между прочим, нестройной волной уже выдвинулись в нашем направлении. Отчаянную попытку Хельги, схватившей меня за запястье и потянувшей вслед за собой, я предотвратил, банально оставшись стоять на своём месте: невероятной девичьей физической мощи не хватило даже для того, чтобы сдвинуть меня с места. А десятком секунд позже стало уже позже, и девушка, как мне показалось, испуганно пискнула...

– Госпожа Хельга! Вы же видели?!

– Госпожа Хельга!

– Госпожа!..

Подростки моментально окружили нас плотным кольцом, и основная масса их внимания при этом была направлена на Хельгу. Учитывая мои способности к улавливанию эмоций, мне не стоило труда понять, что они девушку буквально превозносили и безмерно уважали, будто та была их учителем, а не просто студентом постарше. И из их вопросов, а также залившего лицо местной знаменитости румянца я сделал один простой вывод...

– Дурачатся, говоришь? – Я не сдержал ехидной ухмылки, чем окончательно вогнал аловласку в краску.

– Госпожа Хельга, представите нас вашему спутнику? – А это вышел вперёд тот самый смуглый парень, прежде показывавший класс с огненным посохом. Теперь я мог рассмотреть его вблизи, сходу отметив аристократическую выправку, прямой открытый взгляд и непомерное самомнение. Ну и одет он был соответствующе: в целом ни разу не вычурно, но весьма дорого, если судить только по ткани той же рубахи, аналоги которой я если и видел, то только в фильмах или за витринами магазинов «не для простого люда», и ремню со сдвоенной пряжкой, уместившей эмблему академии и ещё какого-то рода.

– Обязательно. – Хельга подобралась, плавно сместившись так, чтобы оказаться одновременно и между нами, и чуть в стороне. Определённо, это была часть этикета аристократии, но в этом вопросе я пока ничего не смыслил. Плохо, ведь первое впечатление такими темпами получится оставить только совсем уж невразумительное. А девушка тем временем внутренней стороной ладони указала на вставшего напротив меня парня. – Георгий Литке, старший наследник рода Литке, студент академии и псион первого ранга квалификации...

Правая рука Хельги опустилась, а левая таким же образом указала на меня.

– Артур Геслер, студент академии и очень перспективный псион. – При том «очень» она выделила тоном таким образом, что у начавшего было смотреть на меня с толикой пренебрежения смугляша глаза расширились до стандартных для людей славянской внешности размеров. Оказалось, что до сего момента он недобро шурился, что вкупе с загаром заставило меня принять его за выходца из средней Азии. А так он даже выглядеть стал лучше и представительнее, хоть и преобладала в этом его образе растерянность. – Виктор Васильевич поручил мне присмотреть за Артуром, объяснить, как устроена академия и познакомить его с того достойными людьми...

А вот теперь взгляд Хельги стал очень-очень недобрый, и недоброта эта была направлена на присмирившего парня, который не был готов к подобному в исполнении своего кумира. Я напрягся, предприняв осознанную попытку уловить отголоски эмоций девушки, но ничего толком не смог. Вокруг было слишком много людей, и только некое инстинктивное, неосознанное понимание процесса позволяло мне нет-нет, да и поймать что-то такое, точно определив источник.

– Рад знакомству. – Я понимал, что нынешняя улыбка вышла насквозь фальшивой, но исправлять эту проблему не стал. Зачем? Ничего помимо затаённого презрения я таким образом не заработаю, а лизоблюдом я, пожалуй, и «до всего» не был. Знатный ребёнок, для которого я был сродни грязи из-под ногтей до тех самых пор, пока Хельга не намекнула на уровень моей «ценности»? Ну и пошёл он к чёртовой матери! – Но сейчас нам, как и сказала Хельга, надо идти. Верно?..

Я отвернулся таким образом, чтобы парень не видел моего лица, и весьма характерным образом вскинул бровь, поймав между тем взгляд Хельги. Она поняла всё верно, и, видно, смирилась с тем, что впечатление от встречи с одним из «достойных» оказалось испорчено словами и поведением этого самого «достойного». Почему я решил, что этот парень входил в список? Да всё то же самое: интонации Хельги и отголоски её эмоций. Да и фамилия Литке нет-нет, да всплывала в памяти. Не последний в Российской Империи род, промышленяющий морской торговлей и известный своими чиновниками, верно служащими императорской семье – вот, кем они были. Но исконно-русскими ни их, ни их фамилию назвать было нельзя.

– Верно. – Хельга кивнула, ещё раз бросив на бедного Георгия обвиняющий взгляд. Тот в ответ лишь пожал плечами – и отступил, вернувшись к своей «группе поддержки».

Вот уж о чём можно говорить смело, так это о том, что среди студентов лет семнадцати и ниже Георгий Литке – авторитет. Поманил рукой, и все фанаты Хельги тут же от неё отступили, переключив своё внимание на парня и внимая каждому его слову. И десяти секунд не прошло, как мы остались в относительном одиночестве и тишине, если, конечно, таковая вообще может существовать перед входом в административное здание крупнейшей академии Москвы, и по

совместительству – первым и единственным учебным заведением для псионов, которые, на минуточку, представляют из себя силу многократно большую, чем какие-нибудь обученные силовики. Вести за собой таких – не только отличная возможность, но и нешуточная ответственность.

– Значит, он один из тех, с кем меня было нужно познакомить? Неприятный тип...

– Боюсь, все аристократы будут казаться тебе «неприятными». – Девушка пожалала плечами, как бы извиняясь. – Я могу вкратце описать тебе причины такого их отношения к выходцам из простого люда, но если разбирать предмет подробно, то это – тема не на один десяток часов...

– Я примерно себе представляю, почему так происходит. Может, я выскажу свои предположения, а ты меня подправишь, если я скажу что-то не так? – Хельга думала недолго, всего пару секунд, после чего неуверенно кивнула.

– Это, знаешь ли, не такая уж и однозначная тема. Хотя псионы с самого начала отличались хорошими аналитическими способностями, так что, быть может, ты и догадаешься...

– Что ж, начну я с того, что первым бросается в глаза: наследственность. Связь двух псионов повышает вероятность рождения другого псиона до, можно сказать, абсолютных значений. При этом, насколько я могу судить, ребёнок наследует таланты родителей. Учитывая то, что ты рассказывала о псионах нескольких направлений, ребёнку едва ли возможно таким образом привить «способности» универсала. Но талант передаётся и, возможно, значительно усиливается в зависимости от потенциала родителей. – А к этому я пришёл, заново проанализировав свои воспоминания перед сном. И наложив на это желание Хельги увидеть меня в качестве своего спутника жизни. Ведь будь дело в моей уникальности, и тот же брак был бы предложен в качестве формального. Или меня иным образом приблизили к роду, не «предлагая» талантливую дочь главной ветви. – Из этого следует, что «безымянный» псион по прошествии пятидесяти лет с момента появления первых сверхлюдей с крайне высокой вероятностью будет значительно слабее «родовитых», даже если не брать в расчёт образование и подход к развитию способностей.

Хельга немного удивилась, – спасибо эмпатии, – но виду не подала. Только взглядом продемонстрировала заинтересованность в моих дальнейших рассуждениях, а уж там я развернулся как следует! Попробуйте, просуществовайте пару веков, – или всё-таки меньше? – наедине с самим собой. Я вас уверяю: любой собеседник будет для вас сродни манне небесной.

– Второй пункт – это, конечно же, образование. Я хоть и говорил про это ранее, но столь важная вещь точно достойна отдельного упоминания. Потому что простолюдину банально недоступно образование того же уровня, которое получают аристократы. – Тут бы сказать, что я был парнем неглупым, и из-за разделения общества на слои не получил должного образования... Но проблема в том, что умным я как раз-таки не был, и все свои шансы пробиться в университеты и институты просрал по собственному хотению. Просто не считал это важным, и концентрировался на вещах мимолётных и мешающих развитию личности и разума. Сейчас я осознавал это как никогда, но вместе с тем не испытывал большого желания прожить жизнь заново. Ведь случись это, и я, возможно, не шатался бы в пси-активных зонах и не пробудился бы как псион. – И я знаю, что ты хочешь сейчас сказать. Социальные лифты работают, и это действительно так. Но там, где даже самому захудалому и неспособному аристократу не придётся напрягаться для получения доступа к знаниям и учителям, простолюдин будет вынужден пройти все круги Ада. И по итогу высшее образование всё равно получают лучшие из лучших, в то время как многие способные люди останутся за бортом просто потому, что квот окажется недостаточно.

– И тем не менее, с учётом числа, м-м-м, обычных людей, этот вариант – единственно возможный для столь большого государства вроде нашего. – Хельга приятно меня удивила тем, что, во-первых, говорила абсолютно спокойно, а во-вторых начать решила с аргументов, кото-

рые я и сам понимал и принимал. Государственный аппарат на самом деле был слишком велик и неповоротлив для того, чтобы функционировать с подобающей колоссу вроде Российской Империи эффективностью, и из этого проистекало немало проблем. Начиная от коррупции и свояченичества, и заканчивая абсурдно большим штатом чиновников там, где могло бы хватить и пары людей с группой низкоквалифицированных помощников. – А ещё многие семьи выбирают среди простолюдинов самых достойных, вводя тех в семью или иными способами продвигая их вверх. Очень часто таким образом основываются новые младшие фамилии, иногда даже самостоятельные...

– Не знал. – Я правда не был в курсе о такой возможности по вполне понятным причинам. «До» мне это было не нужно, а «после» у меня не было времени. Я пришёл в себя, и меня в тот же час подхватил вихрь перемен, волею которого я оказался в стенах, о которых раньше только мечтал.

– Это особенно не афишируется. Выбирают по-настоящему талантливых людей, обладающих серьёзным потенциалом. И псионы занимают едва ли десятую часть ото всех тех, кому удалось получить такой шанс.

– Потому что среди псионов нечасто встречаются по-настоящему сильные?

– Потому что псионы – индивидуалисты и свободолюбцы. Ты ведь не захотел присягать моему роду, верно? – Девушка неожиданно, но крайне звонко и красиво рассмеялась. – Я угадаю, если скажу, что ты захотел сначала встать если не вровень с сильнейшими мира сего, то как минимум обрести полную самодостаточность и получить возможность прогибать условия под себя...

На самом деле мои мотивы были несколько иными, но в значительной мере Хельга всё-таки попала в цель.

– Угадала. Больше всего остального я ценю свободу, которую мне подарила псионика. – А без неё я едва ли вырвался бы из той ловушки. Уж не знаю, чем являлась остановившая время аномалия, но пропала она только тогда, когда я открыл в себе Дар. Теперь, по-минимуму освоившись со своими силами, я понимаю это как нельзя отчётливо. А ещё понимаю, что, возможно, мои мысли могут стать достоянием общественности, но ничего с этим поделать не могу. Максимум – использовать показанный Хельгой метод наоборот, стараясь защитить не то, что снаружи от себя, а себя от того, что снаружи. – К слову, куда мы забрели? Что-то тут не особо многолюдно. Даже безлюдно, я бы сказал...

А мы тем временем действительно миновали главный холл, в котором было не протолкнуться от студентов и преподавателей, и по циклопической винтовой лестнице в одной из башен поднялись на обезлюдевший этаж. Здесь не было никого кроме нас и белой кошки, вылизывающей шёрстку на подоконнике, что на контрасте с холлом ощущалось очень и очень необычным образом.

Меня словно переместили из живого и пышущего мыслями «волшебного замка» в красивые, но мёртвые руины.

– Артур, ты же не забыл о том моём предложении? – Я как нутром чуял, что что-то подобное непременно последует. И это что-то не заставило себя ждать: напротив меня встала, резко развернувшись, настоящая валькирия с алыми волосами и рубиновыми глазами, в склерах которых стреляли белоснежные искры. Красиво и завораживающе настолько, что я даже засмотрелся. – Я хочу, чтобы ты ещё раз его обдумал... и выслушал меня, прежде чем давать свой ответ. Ты сможешь сделать для меня такую малость?

Время уже привычным образом замедлилось... но я вернул всё взад, решив, что здесь и сейчас субъективно долгие размышления будут не к месту. Да, привычка в любой непонятной ситуации разгонять мышление – это определённо плюс, но так можно докатиться до чего-то очень... нечеловеческого.

– Выслушать – могу. Но не требуй от меня многого, Хельга. Прежде всего я хочу разобраться с миром, в котором оказался. – И почему эта фраза была сказана с такой лёгкостью? Я мягко и вполне себе искренне улыбнулся, после чего скрестил руки на груди. – Здесь и сейчас я – весь внимание.

И девушка начала выкладывать обстоятельства, побудившие её сделать столь необычное, – или особенное? – даже для аристократов предложение...

## Глава 5. Важное решение.

– Возможно, ты даже знаешь о том, что я вхожу в сотню потенциально сильнейших психиков третьего поколения нашего государства. Из-за этого обстоятельства род пытается подобрать мне соответствующего спутника, а кандидаты... – Девушка покачала головой. – Они не нравятся мне, и они не подходят роду. В твоём же случае всё практически идеально: у тебя огромный потенциал и, уж прости, за спиной нет ни фамилии, ни покровителей. При этом ты довольно неплох как личность, а в моих обстоятельствах это уже немало...

– А такие вещи как любовь и симпатия ты в расчёт не берёшь принципиально? – Я ещё в детстве, читая учебники истории, поражался тому, как порой сходились совершенно незнакомые друг с другом именитые люди. Появлялась политическая или экономическая выгода, главы родов договаривались между собой – и вуаля, вот она, помолвка. А то и свадьба, в зависимости от обстоятельств и возраста тех, чьими жизнями решили скрепить сделку или союз. И ладно сами рода, что-то от этого приобретающие. Но с чужой подачи «предначертанные друг другу»?

Тем более в моей голове ещё свежо было воспоминание о том пренебрежительном оттенке её мыслей...

– Это... второстепенно. И если бы ты знал тех «кандидатов», то не увидел бы в моём предложении ничего странного. – Девушка поправила выбившиеся из причёски локоны, параллельно с этим подперев сложенными руками грудь, отчего ткань белой, с чёрными узорами блузки опасно натянулась. Я же вопреки собственному мироощущению на эту картину всё-таки завис, ибо Хельга явно скастовала на меня что-то из арсенала женских чар. Признаюсь: приятно, но обстоятельства всё несколько портили. С другой стороны, силы – это такая же часть меня, как и «неплохая личность», так что интерес к моему потенциалу можно считать за интерес ко мне самому.

– Боюсь, что для выходца из простонародья такое предложение будет странным в любом случае, Хельга. У тебя есть причины настолько сильно торопиться? Помимо того, что остальные кандидаты тебе «не нравятся»?.. – Взять и признать новоприобретённую знакомую странной мне не позволяла логика. Не знаю, как раньше, до аномалии, но сейчас я жаждал видеть в действии всех и каждого некий смысл. Ведь просто так ничего никогда не происходит, и странные, неоднозначные решения могут на деле оказаться вполне адекватными. Просто со стороны эту адекватность по каким-то причинам не разглядеть.

Я бы, может, и не думал в таком ключе, но Хельга выглядела и «эмоционировала» так, словно ей самой было не по себе. Смущение, капелька стыда, решимость и даже каким-то образом примешавшаяся в коктейль уверенность – всё это я различал так же чётко, как и тот факт, что со стороны лестниц к нам кто-то приближался. Здесь, в отдалении от основной массы людей, посторонний источник эмоций уподобился второму солнцу на небосводе.

Даже если захочешь, жар его лучей не пропустишь.

– Причины? Они есть. – Девушка тем временем пару раз взмахнула естественно-подведёнными ресницами, – явно специально, – и потупила взгляд. – Но не обо всех я тебе пока могу рассказать, Артур. И раз уж для тебя так сильно важны...

– Тс-с-с... – Я и словом, и жестом перебил девушку, широко распахнул глаза и уставился в сторону лестницы, одновременно с тем начав говорить немного громче. – Ты уверена, что Виктор Васильевич и комиссия ничего не напутали?

Хельга замешкалась лишь на секунду, быстро найдясь с тем, как бы подхватить сказанное мной.

– Они не могут ничего напутать, Артур. Тут, знаешь ли, работают лучшие из лучших, так что просто иди за мной...

И девушка двинулась куда-то вглубь коридоров такой, знаете ли, более скромной версией походочки «от бедра». Я направился следом, инстинктивно держась чуть позади. Во-первых, картина дюже приятная, а во-вторых так проще было обособиться от разума Хельги, и соответственно сконцентрироваться на человеке, который остановился на лестнице. За нами он не пошёл, о чём я, немного выждав и дождавшись очередного поворота, и поведал своей спутнице.

– Он остался на лестнице. Или она: по разуму и не скажешь...

– Обучишься – и сможешь сказать даже больше. Но в стенах академии ментальные штуки не приветствуются, не считая пассивного сканирования.

– Как я делаю сейчас?

– Как ты делаешь сейчас... наверное. – Прозвучало не слишком уверенно, так что я пообещал себе перестать налегать на разного рода попытки улучшить работу своего ментального восприятия. А тем временем Хельга остановилась напротив одной из дверей, которую я открыл не используя рук: щепотка телекинеза и никакого мошенничества. – М-м-м... Лучше так пока не делай. И на чём мы остановились?..

– На том, что «так сильно для меня важно»... – Напомнил я, втянув носом воздух, тянувший вслед за собой приятный аромат свежеработанной древесины. Мы оказались в пустующей аудитории, мебель в которой, казалось, доставили с фабрики только вчера. Да и внутреннюю отделку нельзя было назвать старой: тут явно провели ремонт. Ничего удивительного в этом не было, так как академии совсем недавно исполнилось сорок семь лет.

Более, чем достаточно для того, чтобы здание не раз обветшало.

– Я имела ввиду привязанность и любовь. Их ты, кажется, упоминал? – Хельга плавно переместилась к учительскому столу, соседствующему с массивной дубовой кафедрой, опёрлась на него руками и ловко уселась сверху, закинув ногу на ногу. Благодаря тому, что стол был совсем не низким, – а то и для какого-то верзилы сделанным, – мы оказались наравне. – Всё это не появляется из ниоткуда, и это понятно. Но ты мне симпатичен, я тебе, надеюсь, тоже... Так почему бы нам не начать фиктивно встречаться?

– И за это время получше узнать друг друга?

– Да! – Хельга очень и очень активно закивала. И обрадовалась. – Именно так!

– Надеюсь, у тебя есть план на случай, если мы друг другу не подойдём...

А мы скорее всего не подойдём, как бы Хельге ни хотелось обратного. Я не чувствовал большой необходимости в такого рода отношениях, так как у меня, простите, планов и без того было выше крыши. Девушка точно нужна, но вот ТАКАЯ девушка? Впрочем, стоило только этой фразе прозвучать, как от Хельги ударила настоящая волна чистого, незамутнённого счастья. И на фоне этого казалось, что пятью секундами ранее она не радовалась, нет-нет. Она была воплощением спокойствия, чуть ли не безэмоциональным каменным изваянием! И то ли я настроился на неё, то ли ещё что, но эти чистые эмоции меня опьянили сильнее, чем что бы то ни было за этот и прошедший дни.

Хотя нет, вру: та первая шаурма, возможно, была чуточку лучше.

Но давайте вернёмся к нашим баранам. Да, я прогнулся под первую попавшуюся красивую девушку, которая как минимум подсознательно воспринимает меня простолюдином. Это если смотреть с одной стороны. Но если немного подумать, – и желательно той головой, которая на плечах, – то мне не помешают пусть не друзья, но хотя бы союзники среди аристократов. Просто так знакомства я не заведу: мне это вообще не нужно, а изображать искренность в условиях существования менталов может быть чревато. Так что из доступных вариантов остаётся всего ничего: или никаких знакомств и потенциальная обида Хельги, или игра в парочку и прикрытие в виде имени рода Белёвских, помощью которых я без веских причин пользоваться точно не буду. Как по мне, так выбор очевиден.

Если можешь не плодить врагов на ровном месте – стоит так и сделать.

– Плана нет, но он может появиться. – Хельга пожала плечами, порядком приободрившись. – Итак, тогда давай обсудим, что и как мы обыграем...

И начался непродолжительный, но насыщенный разговор, в котором я окольными путями выяснил чуть больше информации о том, с какими проблемами столкнулась Хельга Белёвская. И если я правильно истолковал её оговорки, то выходило, что на девушку действительно давил род и родители, простите за тавтологию. Боевые псионы, – а Хельга была именно что боевым псионом, – жили не слишком долго в силу рода своей деятельности, а наивысшим потенциалом в основной ветви Белёвских третьего поколения обладала именно эта миниатюрная, боевитая аловолосая девушка девятнадцати лет. Не просто так я был о ней наслышан, ибо пирокинета такого возраста и такой силы ещё поди найди. Но сама ситуация...

Не так, конечно, я представлял себе отношения в семьях сильных мира сего.

– Значит, у тебя есть два года. Не так уж и мало...

– Эти два года мне дадут только в том случае, если я сама найду кандидата с равным потенциалом или лучше. Задача практически невыполнимая, знаешь ли! – Девушка хитро и даже злорадно ухмыльнулась. – Но я встретила тебя, и это меняет всё!

– Чую, что без проблем в академии это повернуть не выйдет. Скажи честно: какое число парней будет точить на твоего скромного парня зуб, а какое решит устроить тёмную? – О, сколько драк из-за девчонок случилось в моём родном училище – словами не передать! И это при том, что чувство собственной важности у студентов там было пониже и поуже, чем у высоко порхающих птЫц в этой, без преувеличений, лучшей и самой статусной академии Российской Империи, а из средств избияния ближнего своего имелось лишь нечто приземлённое вроде кулаков. Здесь же обучались сплошь псионы, а уж они могут устроить много всего неприятного. С этой стороны, конечно, любые конфликты мне противопоказаны... Но чёрт подери, я УЖЕ выделялся из толпы, и я УЖЕ стал магнитом для проблем. Белых ворон не любят нигде, а настоящего универсала из простого люда детишки-аристократы не примут. И пусть учатся в этих стенах студенты всех возрастов, взрослые наверняка самоустраиваются от дел молодёжи. Оно так было с преподавателями в училище, оно так будет и здесь.

Одно только то, что отпрыск Литке может себе позволить в окружении толпы детей размахивать шестом из плазмы уже говорит о многом.

– Если ты поступишь на факультет боевой псионики, то проблемы, скорее всего, будут... – Медленно, чётко и разборчиво поведала девушка, по привычке наматывая на палец локон алых волос, поблескивающих в свете неидеального дежурно освещения. – Но, Артур, они будут и так. Ты слишком... выделяешься. Возможно даже, что и пугаешь. Обстановка на всей «псиарене» перевернётся, как только информация о тебе уйдёт дальше высшего преподавательского состава и Императорской семьи...

– Императорской семьи? – Я вздел бровь. Такого я не ожидал, хоть и должен был.

– Кажется, я проговорила. – Девушка тихо хихикнула, но брошенный на меня взгляд нёс в себе вполне однозначный посыл: об услышанном лучше не распространяться. – В любом случае, связь со мной и моим родом для тебя всё только упростит.

Я хмыкнул. Хотелось бы верить, конечно, но чутьё и рациональный подход в один голос твердили, что в вопросе конфликтов всё обстоит далеко не так радужно. Но Белёвские за спиной могут подсобить в других сферах, и как минимум отвадить от меня хотя бы самых мелких рыбёшек, что уже немало. А с остальным я, смею надеяться, как-нибудь справлюсь.

– Допустим, так оно и будет. Я при случае делаю всё для того, чтобы у окружающих сложилось соответствующее мнение о наших взаимоотношениях, и?..

– И всё. – Хельга спрыгнула со стола. – Больше ничего делать не надо: ни бегать за мной, ни размахивать гербом Белёвских. Ну, разве что успешно демонстрировать всем свои способности, но это вы, парни, и так до одури любите делать, так что проблем быть не должно.

– Превосходно. И раз уж с этим мы разобрались, то как насчёт того, ради чего я сюда и приехал?

– А разве ты сделал это не ради меня, Ар-тур-чик? – Хельга намеренно сказала это настолько томным и манящим голосом, что не отреагировать я не мог. Но прежде, чем я успел ответить, девушка рассмеялась и, проходя мимо, полезла обниматься. Я отреагировал на сие действие единственно верным образом: приобнял девушку за талию, при этом вопросительно на неё уставившись. – Что? Лучше уж убедиться сейчас, чем узнать о твоей скромности потом, когда ты при свидетелях неубедительно сыграешь моего парня.

– И как, похож я на скромняшку? – Так и хотелось отчебучить что-нибудь эдакое, но я не стал давать рукам волю. По крайней мере, полную волю, ибо ладони всё-таки опустились чуть ниже талии Хельги. Время привычным уже образом замедлилось многократно, а я медленно вылил стакан воды на пожар, вызванный неутожимым сенсорным голодом. Новое за эти дни ощущение благодатно сказалось на моём настроении, по пожар, казалось, разгорелся с новой силой; я уже и не тешил себя надеждой когда-нибудь с ним совладать, и, так сказать, учился наслаждаться своим безумием. Раз уж всё в этом мире доставляло мне нешуточное удовольствие, к которому я так стремился, то почему бы не поддаться этому порыву?..

– Похож ещё меньше, чем на того, кто пятнадцать минут назад рассказывал мне про симпатию и любовь. – Хельга, находясь в моих объятиях, чувствовала себя не очень-то уверенно. Это ощущалось и ментально, и «по-обычному». Потому я решил не проверять девушку на прочность и мягко отстранился.

– Я плохой актёр, но не могу не признать того, что ты – чертовски соблазнительная девушка. – Чистейшая, в общем-то, правда. И если бы я был «старым» собой, то Хельге не пришлось бы меня даже уговаривать. – Нас, к слову, ещё Виктор Васильевич не потерял?

Аловласка вытащила из болтающейся на бедре маленькой сумочки телефон, посмотрела время и покачала головой:

– Нет, мы как раз успеваем добраться до ректората. Пойдём.

И мы пошли, на этот раз – совсем другими, полными студентов и преподавателей путями. И вновь я погрузился в океан могучих разумов, среди которых моё «Я» воспринималось особенно чётко. Никаких размытых контуров: только строгие границы, размеры которых зависели неизвестно от чего. Я тут был как бы не самым «маленьким», но небольшой эксперимент со снятием ограничений на разуме показал, что при желании я могу «раскинуться» на куда большую площадь. Правда, Хельга этот мой ход не одобрила, схватила за запястье и вдвое быстрее потащила в искомом направлении. Я не сопротивлялся: против меня происходящее всё равно не работает, а так хоть что-то необычное.

– Не делай так больше! – Тихо, но яростно прошептала аловласка, едва мы оказались, с натяжкой, наедине. – Такое неожиданно наваливающееся ментальное давление – это очень, очень неприятная вещь! Думаешь, просто так от себя все отшатнулись?

– Вообще я просто попробовал немного ослабить сферу, сдерживающую моё влияние на окружающих. Чисто теоретически, псионы должны обладать устойчивостью к таким воздействиям, разве нет?

– Одно дело – когда могучий чужой разум как бы приближается к тебе постепенно. К этому можно привыкнуть, и дискомфорта не будет в принципе. Но если этот же разум резко раскроется, может поплохеть даже слабым псионам, не то, что обычным людям! – Поучительно выдала Хельга, подавшаяся вперёд и потрясающая у меня перед лицом указательным пальцем. Правда, из-за её позы смотрел я совсем не на палец, параллельно обдумывая варианты касательно доступа к иным источникам «редкой» сенсорной информации на территории академии. Да-да, даже разум вроде моего не позволял осознанно контролировать гормоны, ибо где мысли – и где функции организма, «зашитые» в него на базовом уровне? – Повторюсь: больше так не

делай. Потенциала у тебя выше крыши, и я сама едва не упала там же, где стояла. Хорошо, что шли мы по верхним этажам, куда слабосилки не попадают...

– Хочешь сказать, «слабосилкам» я мог бы и навредить?

– Да. Вплоть до потери сознания, а неудачно упасть не так уж и сложно. – Аловласка пожала плечами. – Лучше просто ни с чем не экспериментировать до тех пор, пока тебе не объяснят хотя бы базу. Ментал – это действительно очень опасное направление, а телепаты – настоящие монстры. Ты, например, знал, что сильный и обученный ментал может убить всё живое вокруг себя в радиусе нескольких сотен метров? И защититься от этого могут только другие псионы, которых в таких количествах ещё найди...

Пока мы шли до пункта назначения, Хельга успела многое мне рассказать именно о боевой сфере применения псионических способностей. И сложившаяся картина меня-обывателя не то, чтобы очень радовала, ведь обычные люди выглядели... ну, не как пушечное мясо, но как безликие декорации точно. Даже стратегическое ядерное оружие, со слов Хельги, не котировалось в противостоянии с псионами. Превратить любую ракету в ничто, потопить целую армаду, сбить сколь угодно много самолётов...

Понятно, что на деле эффективность псионов была не столь высока, и без простых парней с оружием в руках псион на поле боя становился прекрасной мишенью, но сам факт! Государство без псионов было буквально безоружным, а простой люд об этом знал постольку-поскольку. Я, например, даже себе не представлял, что такие монстры вообще существуют. А они существовали, стояли на страже своих народов и пользовались неизмеримым уважением. И где я, по итогу, в этой вертикали со своими умениями?

– Мне нужен доступ к полигону и теоретическим материалам, касающимся боевого направления псионики. Академия может такое предоставить?

– Да. Но самостоятельное обучение – прерогатива тех, кому уже известны основы. Самостоятельно и без фундамента ты скорее навредишь себе, чем добьёшься чего-то весомого. – Девушка с подозрением на меня посмотрела, но продолжать не стала, дав мне слово.

– Тогда я поговорю с Виктором Васильевичем. Думаю, учиться я буду быстро. – Потому что не заметил я за окружающими той скорости мышления, которую лично я могу развить сходу и безо всяких проблем. Спросите, как я мог это заметить? А тут всё просто: реакции. Я просто сравнивал их со своими. Моё тело буквально не поспевало за разумом, что выливалось в некоторую дёрганность, например, зрачков, наигранность эмоций и повышенную плавность всех прочих действий, которые я мог контролировать.

Окружающие этим не отличались. Улыбки на их лицах были настоящими, а зрачки не меняли направление движения по пять раз за секунду. С огромной вероятностью такая скорость мышления – это моя особенность, как и универсальность, и ограниченный радиус воздействия. И со всем этим нужно учиться правильно работать.

– Попытка не пытка. – Девушка пожала плечами. – Но на твоём месте я бы не рассчитывала на многое.

Мы оказались перед массивной дверью, на которой обнаружилась стальная табличка с чёрными буквами: «В.В. Белосельский, ОзРсС». За этой дверью я ощущал всего двоих людей, из которых только один по-настоящему внушал. И это, очевидно, был сам Виктор Васильевич. Я потянулся к двери и аккуратно постучал, попутно ухмыльнувшись.

– Это мы ещё посмотрим, Хельга. Это мы ещё посмотрим...

## Глава 6. Факультет, потенциал и первый учитель(?).

Просторный кабинет «ответственного за работу со студентами» предстал перед нами во всей своей красе. За широким панорамным окном, лишь немного не дотягивающим до пола и потолка, был виден центральный вход в здание академии со всей массой людей, у него столпившейся. Но не крошечные фигурки студентов, да и не общее убранство кабинета привлекли моё внимание. Сделала это деревянная рама, не походившая на те, что мне встречались обычно: резная и переполненная деталями, она представляла собой настоящую картину.

На нижней её части стояло, сидело, бродило и занималось своими делами дикое зверьё, а само застывшее во мгновении действие разворачивалось вокруг облюбованных птицами стволлов деревьев – вертикальных поверхностей рамы. Рассмотреть что-то наверху было не так и просто, но восприятием я легко распознал в узоре облака и скрывающиеся среди них силуэты птиц. Вся эта картина дополнялась тенями, над которыми была проведена воистину грандиозная работа. Они в реальном времени струились, ложились и расчерчивали тенями – чёрными мазками, лёгшими на древесину и выгодно её украсившими. Возможно, что если бы тогда у меня перед глазами застыло что-то такое...

Нет, всё одно: любая картина рано или поздно «закончилась» бы, а лишний месяц на фоне многих лет не играет никакой роли. И сейчас у меня совсем иные задачи, нежели разглядывание красивой оконной рамы.

Я плавно вышел на «стандартную» или ощущающуюся таковой скоростью мышления, подойдя к столу и пожав протянутую руку Виктора Васильевича, не поленившегося с нашим появлением встать. Этот мужчина нравился мне всё больше и больше, ибо, во-первых, от него я с самого начала не чувствовал ни крупинки презрения или чего-то подобного, а во-вторых он как мог демонстрировал, что считает меня себе равней. И пусть оба этих «плюса» могли быть следствием его колоссального опыта в псионике и интригах, пока оснований считать именно так у меня не было. А значит отталкиваемся от того, что он вполне себе нормальный мужик.

– Артур, рад тебя видеть. Надеюсь, ночью ты хорошо отдохнул, потому что сегодня тебе предстоит очень и очень многое. – Взгляд мужчины скользнул по медальону, который я, ничтоже сумняшеся, закрепил на правом плече, по-особому перекрутив предназначенную именно для этого цепочку. – Медальон в ближайшем будущем придётся поменять, но меня радует тот факт, что ты нашёл свой способ его закрепления.

– «Свой»? – Говорить, что я поначалу вообще думал, что так и должно быть я, конечно же, не стал. Но Виктор Васильевич однозначно об этом догадался. Определённо, в будущем для важных разговоров стоит безо всяких сомнений использовать ускорение сознания.

– Сами медальоны и их цепи устроены таким образом, что их можно закреплять на чём угодно и как угодно. Небольшая отличительная особенность нашей академии, аксессуар, позаимствованный у Леона Тригиды. – Я хмыкнул, услышав знакомую фамилию. Прибывший из-за границы герой войны с Германией, впоследствии ставшей Немецкой Губернией, прочно вписался в культуру нашей огромной страны. – Но о таких мелочах ты узнаешь и сам. Сейчас перейдём к самому важному. Позволь представить тебе Дмитрия Сеницына, студента и псиона второго ранга квалификации. Дмитрий поможет тебе обжиться в академии, покажет её устройство и в целом будет отвечать за первую неделю твоего обучения телепатии. Именно как наставник.

– Не хочу никого обижать, но структура академии не показалась мне сколь-нибудь сложной. Мне хватит простенькой поэтажной схемы для того, чтобы всё запомнить. – Это была слишком явная попытка приблизить ко мне «товарища», который мне вот вообще никуда не впёрся. Да и Хельга, внешность которой доставляла определённое эстетическое удовольствие, меня устраивала куда больше, нежели татуированный блондин в пляжной футболке и шортах.

Ему ещё и лет было плюс-минус как мне, и выглядел он точно местный гопник. Растрёпанный, с наглым выражением лица... такому только сигары не хватало, да шлёпок вместо брендовых кроссовок. А аристократ ли это вообще, или Виктор Васильевич решил состыковать меня с кем-то, кто был бы мне-старому ближе по духу?

– Дело не только в структуре. Все вопросы будешь адресовать мне, я подскажу, что к чему. – Блондин хитро ухмыльнулся, скрестив руки на груди. – Или ты думаешь, что Хельге Белёвской по рангу за тобой присматривать?

Я вздел бровь, с запозданием осознав, что сий индивидуум перестал ощущаться в ментальном поле. Вообще. Я словно разговаривал с пустотой, но при этом отчётливо видел и иными способами ощущал стоящего напротив человека.

– Кажется, я понял. Хорошо, ничего против не имею. – В том, что присматривать за мной будет именно ментал, какой-то смысл определённо имелся. Из всего моего «репертуара» неосознанно навредить я с наибольшей вероятностью могу именно ментальным направлением псионики. Тут банальное снятие «защиты», со слов Хельги, могло вырубить слабосилков с первых этажей, а ведь я даже не пробовал все те варианты манипуляций, уже пришедшие мне на ум!

– Ну и отлично. А то мне не понравилось откачивать мальков двумя этажами ниже тебя. – Синицын демонстративно поскрёб щетину на подбородке, пока я переваривал услышанное, не прибегая к ускорению работы сознания. Значит, я всё-таки кому-то навредил, а Хельга этого просто не заметила в силу отсутствия таланта к менталу. – И давай сразу договоримся: втихую ничего не делаешь, мои советы воспринимаешь серьёзно, от учёбы не отлыниваешь...

– Дима, это – после, пожалуйста. – Вставил своё веское слово Виктор Васильевич, которому надоело наблюдать за этим небольшим представлением для двух зрителей: Хельги, которая хмурилась и полыхала недовольством из-за того, что нас так быстро решили разделить, и самого ответственного за работу со студентами. – Итак, Артур. Касательно твоего размещения – дом, в котором ты ночевал, теперь твой. О бытовых делах не беспокойся: ими займётся прислуга. Твоё обучение на первых порах будет проводиться индивидуально, расписание получишь вечером. Стипендия... – Мне в руку перекечевала банковская карта, которую нельзя было спутать ни с одной другой. Благо, по форме она всё-таки ничем не отличалась. – ... здесь. Тебе всё ещё запрещено покидать территорию академии, и изменится это лишь после того, как ты освоишь все базовые дисциплины на достойном уровне. Документы заберёшь в своём доме: их туда доставят к вечеру. Что же касается направления обучения, то тут твоя ситуация уникальна, и учиться ты будешь всему параллельно. Тем не менее, формально тебе, Артур, необходимо числиться на каком-то факультете. Твоё слово?

Медлить я не стал.

– Боевой факультет, Виктор Васильевич.

– Интересный выбор, нечего сказать. Считаешь, что со своим ограничением ты сможешь многого достичь на поле боя? – Мужчина скрестил руки перед собой, внимательно на меня посмотрев. – Псионы боевых направлений делают свой выбор только раз. Просто бросить, подписав такой договор с государством, уже не удастся.

– А что насчёт практики боевых направлений «мирными» псионами?

– Запрещено. – Отрезал Виктор Васильевич. – На баловство закроют глаза, как и на методы самозащиты. Но не более того.

Ожидаемо и абсолютно верно в масштабах государства, которому как-то нужно было контролировать псионов. И принятие этого закона определённо связано с первой и последней попыткой мирного коммунистического режима стать не совсем мирным: тогда Российская Империя едва не утонула в крови собственных граждан, но всё обошлось. К счастью.

– Тогда мой выбор не поменяется.

Ответственный за работу со студентами тяжело выдохнул, выдвинул верхний ящик своего стола и достал оттуда явно временный футляр, из которого изъяли медальон и цепь из отдающего алым металла. Свой аксессуар, пробывший со мной часа полтора от силы, я сдал здесь же, нацепив новый. Ну что ж: теперь силового метода решения конфликтов точно не избежать.

Я ж формально боевик, хоть и не умею ничего.

– Что ж, да будет так. Соответствующе изменённое расписание получишь после завершения базового курса. На его освоение у тебя будет чуть меньше пары месяцев: тебе нужно успеть к началу сентября. Вопросы, Артур?

– Никаких, Виктор Васильевич. – У матроса нет вопросов. Так было и у меня: есть задача, есть путь её решения. А проблемы будем решать по мере поступления.

– Прекрасно. Тогда далее тобой займётся Дима. За сим вы свободны, господа студенты. Хельга, а ты задержись.

И мы с навязанным мне «проводником»-Дмитрием вышли в коридор, где переглянулись и, синхронно хмыкнув, отошли к пустующему лестничному пролёту.

– Артур Геслер. – Я протянул парню руку, поймав его взгляд и попытавшись ощутить хоть что-то там, где должен был быть его разум. Но там была даже не непроницаемая стена, а просто ничего. Пустота, которую можно было пронзить насквозь и не нащупать ничего лишнего. – Как ты уже понял, новенький студент.

– А ещё универсал и потенциальное оружие трона? – «Проводник» пожал мне руку. – Дмитрий Сеницын, студент и псион третьего ранга квалификации, как ты уже мог слышать. Основное направление – телепатия, второстепенные – телекинез и криокинез. И раз уж меня назначили твоей нянькой, я собираюсь сделать всё для того, чтобы ты, находясь под моей ответственностью, не снискал себе проблем. Вопросы?

– Виктор Васильевич говорил, что ты – псион второго ранга, разве нет? – На память я не жаловался, а подсказывала она именно это. Но вот взгляд парня посмурнел, а он сам, помолчав пару секунд, объяснил это «расхождение».

– Формально я ещё в том году мог претендовать на третий ранг, но фактически мне его не дают под разными, чаще всего надуманными, предлогами. – Было забавно видеть, как здоровый «хулиган» с покрытыми татуировками руками морщится, словно ребёнок, которому не давали мороженое. – Уж поверь: если мы столкнёмся с Хельгой, однозначно сказать, кто победит будет невозможно.

– Справедливости ради, боевые возможности псионов для меня всё ещё остаются загадкой. – Я-«прошлый», как оказалось, практически ничего о псионах и не знал. А то, о чём мне уже рассказали или что я понял сам не давало сколь-нибудь полной картины, от которой можно было бы плясать. – Но рассказами, как я понимаю, тут не обойтись.

– Именно. Но через два дня будут практические сражения в «безопасном» формате, и я советую тебе их посетить. Узнаешь много нового о возможностях боевиков разных рангов. – Сеницын подпёр спиной стену, проводив равнодушным взглядом прошедших мимо студентов, которые, казалось, не обращали на нас внимания. Я только-только обратил на это внимание, и почти сразу понял, что нас для них действительно не существует. – Заметил наконец?

– И как скоро я тоже буду способен на подобное?

– Отвести от себя внимание обычных людей ты сможешь, если твой потенциал не завышен, уже через неделю-две. Но на мой уровень выйти будет непросто: я тренируюсь с десяти лет, и при этом считаю себя если не лучшим менталом в третьем поколении, то одним из.

Я промолчал, так как лицемерить и изображать удивление или впечатлённость не хотел. Но Дмитрий Сеницын, похоже, на это ни разу не обиделся.

– Итак, тебе, наверное, интересно, как будет проходить процесс обучения?

– Ещё как. – Я кивнул.

– Обычно это объясняют наставники, но в твоём случае было решено хотя бы на первое время воспользоваться моей помощью. Неправильная оценка ментального потенциала уже привела к тому, что семеро студентов просто отрубались, когда ты решил развернуть своё ментальное поле на полную, так что штатные учителя могут просто с тобой не справиться.

– Я не люблю хвастаться, но сегодня я приоткрылся совсем немного, даже полностью не сворачивая ограничивающую оболочку. И почти сразу прекратил, так как...

Договорить мне Дмитрий не дал:

– Ты уже изучал телепатию?

– На этот метод меня навела Хельга, объяснив, как перестать проецировать на всех свои эмоции. По дороге в академию я сначала целый район сподвиг набить животы, а после организовал пробку на трассе. И не сказать точно, скольких мне удалось зарядить отличным настроением. – И об этом меня отдельно, к слову, не спрашивали. Смогла ли Хельга в своём разговоре с Виктором Васильевичем передать весь масштаб «бедствия»?

Судя по тому, как на меня смотрит Сеницын – нет.

– За мной. – Как я ожидал, мы должны были вернуться в кабинет явно ответственного за меня Виктора Васильевича, но у Сеницына на этот счёт были другие планы. Миновав ту самую дверь, за которой я ощутил явно недовольную и «кипящую» Хельгу, мы спустились на первый этаж, где мне была продемонстрирована дверь, открыть которую без соответствующих доступов было нельзя. Но моего проводника умная система с камерами опознала по морде лица, и уже через пять минут, пройдя по монолитной лестнице, обшитой металлом и стоящей в коробе из стальных конструкций, мы оказались в зале-полусфере, чем-то напоминающем мне увиденные вчера полигоны.

– Это малый внутренний полигон, один из нескольких. Здесь можно более-менее сносно тренироваться с тем, что в перспективе не вызовет серьёзных разрушений. Доступ сюда выдают только лучшим, зарекомендовавшим себя и доказавшим серьёзное отношение к псионике...

– Не думал, что в этой академии может быть иначе.

– О, ещё как может! Всякий псион обладает выдающимся интеллектом, но не всякого псиона жизнь одаряет мудростью. Среди нашего брата встречаются и тупые, в чём ты убедись уже очень скоро. Но я тебе этого не говорил. – Дмитрий тем временем вышел в центр зала, замер на секунду – и я ощутил, как его разум развернулся из крошечной точки, затопив собой всю комнату. Изначальная «волна» не заставила меня даже поморщиться, но вот дальше я напрягся. Парень будто специально увеличивал давление, пристально за мной наблюдая.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.